

СВЕРХНОВАЯ ФАНТАСТИКА

СОЛДАТЫ ЗВЕЗДНОГО ФРОНТА

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

Валерий Петрович Большаков

Солдаты звездного фронта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73105483

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон, Иван и Максим – русские солдаты. Решили порыбачить в увольнительной, а оказались на борту инопланетного звездолета. Пришельцы готовят вторжение на Землю? Или хотят облагодетельствовать человечество – так, как они понимают добро? Не важно! Чужим на Земле не место!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Валерий Большаков

Солдаты звездного фронта

Валерий Большаков

Солдаты звездного фронта

Глава 1. ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЫБАЛКИ

1. Россия, Карелия. 19 августа 2016 года

Высокий мужик в каком-то дурацком маскарадном костюме промелькнул так быстро, что Антон едва смог рассмотреть его. То ли в джедая вырядился, то ли в киборга – весь в каких-то латах из чешуй-сегментов, а на голове шлем, как у Дарга Вейдера.

Увидеть такое чучело в глухом лесу было настолько дико и несообразно, что просто оторопь брала.

Антон как раз хлебнул квасу, и от неожиданности чуть не подавился. Кашляя и бранясь, он глянул на заросли.

Почудилось ему, что ли? Да нет, куда там. Вон и следы поперек тропы.

– Что за... – начал Антон, и оборвал «дозволенные речи» – зазвонил сотовый. – Где?..

Он был налегке – в трусах и тельняшке, а телефон пиликал в куртке, сброшенной на траву по случаю жаркой погоды.

Выцарапав из кармана верную «Нокиа», Антон глянул на экран – звонил Сулима.

– Товарищ капитан? У меня тут...

– Ломов! – нервно перебил его Сулима. – Можешь подъехать? Ранили меня!

– Кто?!

Капитан засопел.

– Не знаю, лейтенант! – сказал он раздраженно. – Блин... Чужие какие-то! В скафандрах...

Ломов похолодел. Сулима был не из тех, кому мерещится. Здравый смысл заскулил, заметался...

О! А может, это реконструкторы чего затеяли? Или секретные учения? Какой-нибудь... этот... боекостюм испытывают?

– Вы где, товарищ капитан? – спросил Антон на бегу, машинально поправляя берет.

– У озера, где лодка затопленная!

– Еду!

Вскочив на сиденье выдавшего вида «УАЗика», Ломов завел мотор и выжал газ. Гальмуя и подкидывая задком, машинка помчалась по заброшенной лесовозной дороге.

– Порыба-ачили! – брызжал Антон, крутя баранку. – Отдохну-ули!

В это время донесся гулкий выстрел, сразу за ним другой.

– Ах, ты...

Ломов выжал педаль, и двигатель протестующе взвыл. Неожиданно из зарослей показался давешний «джедай». Повернув голову к Антону, он вдруг очень быстро зашагал, ноги его замелькали, будто в ускоренной съемке, а силуэт размазался, пошел бликами, делаясь прозрачным. Было похоже, что ветром через дорогу перенесло большой кусок целлофана – все через него видно, только размыто, искаженно, засвеченно.

«Джедай» сквозанул перед самым «УАЗиком». Ломов и не подумал снизить скорость, только зубы сжал. А вот и озеро...

Офигеть!

Лейтенант ударил по тормозам.

Озеро было небольшим, со всех сторон окаймленным елями. Вдоль берега вращали в землю валуны, об их покатые бока шлепала мелкая волнишка, шуршали камыши, из воды выглядывал нос старой, затопленной лодки. Песок у самого берега был изрыт, брошенная удочка дергалась, как живая – клевало, рядом валялась погнутая, изломанная «Сайга», а напротив...

А напротив, просто так вися в воздухе, пласталась самая настоящая «летающая тарелка» – двояковыпуклый диск метров... Ну, здоровая фура точно в его тени укроется. Даже две впишутся. Возле «тарелки» суетилась парочка в «зеркально-прозрачном» камуфляже, затаскивая в люк капитана

Сулиму – босого, в одних форменных штанах, зато в кепке с кокардой.

Капитан был без движения, и находился в чем-то вроде прозрачного кокона.

– А ну, стой! – заревел Антон, выхватывая отцовский ТТ из бардачка.

Выпрыгнув из машины, он сделал три огромных скачка, на четвертом зацепился за корень, выступавший из песка, и полетел кувырком. Переворачиваясь, Ломов вскинул «тэт-эшник», и дважды выстрелил по «джедаям». Целился он в ноги, а то вдруг свои?

Первая пуля угодила в круглый коленный шарнир, и с визгом рикошетировала, зато вторая впилась в рифленый набедренник – убойная сила развернула неизвестного.

И тогда «проявился» третий. Наверное, тот самый, что перебежал дорогу «УАЗику» – смутные очертания фигуры, преломлявшие воздух, вдруг обрели плоть. Рука в броне вскинула непонятное оружие, вроде пистолета с толстым стволом и игольчатым дулом – в Антона прыснул бледный голубоватый лучик.

Ломов хотел нажать на спуск, но ощутил, как отнялись руки. Ноги тоже обездвижили.

– С-суки!

«Джедаи» разделились – один поволок Сулиму, а двое других закатали парализованного лейтенанта в прозрачный пузырь, как огурец в банку, и потащили следом. Ломов даже

застонал от унижения.

Ноги и руки были как чужие, в поле зрения попадал то блестящий трап, то «штурмовик», то верхушки сосен.

Чужие загрюкали по настилу, и Ломов оказался внутри «летающей тарелки».

В эти мгновенья он ни о чем не думал, не удивлялся даже – лейтенант страдал от беспомощности, а бешенство просто душило его.

Шея работала, Антон усиленно вертел головой. Его пронесли в узкий, как пенал, отсек, где находились три кресла в ряд – вполне себе человеческие сидалища, только опрокинутые, как у космонавтов в «Союзе». Так это что, пришельцы из космоса?

«Дошло, наконец!» – подумал Ломов со злостью.

Его кокон довольно небрежно уложили за кресла, прямо поверх того, в котором лежал Сулима.

Антон вывернул голову.

Стену, вернее, переборку напротив усеивали непонятные круглые экранчики и приборы, плотно так усеивали, как кафель в ванной.

Троица в скафандрах устроилась перед пультами, и словно отдыхала. «Джедаи» сидели, как истуканы – не вертели головами, не водили руками, не жали на кнопки. Хотя мельтешение индикаторов резко усилилось.

Сбоку виднелся большой овальный иллюминатор... Тут по «иллюминатору» прошли полосы, изображение мелькну-

ло и поменялось. Телевизор. Или как он тут называется...

В экране было видно озеро и брошенный «УАЗ». Потом картинка дрогнула, опрокинулась и стала уходить вниз.

Чего это? Старт? Взлет?!

Рева двигателей не доносилось, лишь сдержанный гул поднимался откуда-то снизу. Именно, что откуда-то. Точно сказать, где верх, а где низ, Ломов затруднялся – никакой перегрузки он не испытывал.

Это рождало недоверие – какой еще, на хрен, полет? Облака на экране мелькали с такой скоростью, что организм давно бы раздавило ускорением – тут 10-12 «же», как минимум!

В том-то и дело, что на экране. Там что угодно крутить можно...

Вот и Земля округлилась. Якобы, на орбиту выходим...

Э, нет, дальше прем в мировое пространство. Якобы.

Голубая планета прокатилась по экрану, и стала удаляться с невероятной скоростью. Вот уже колоссальный земной шар вписался в рамку монитора, голубея и белея, и продолжил ужиматься, мельчать...

«Господи, – подумал Антон, – я же, наверное, никогда ее больше не увижу...».

Подумал как-то отстраненно, будто вчуже.

Земля, Россия, Питер...

2. Борт десантного бота ZZ. 141-й день 5153-го цикла

Тхан Кох был доволен результатами экспедиции, хотя Цхен Бокх и выражал неодобрение. Ну, ему простительно – Цхен молод и не понимает, почему командир удовлетворился малым. Дай Бокху волю, он бы еще месяц исследовал Третью планету, собирал бы материал, а зачем?

Трех особей вполне достаточно для того, чтобы изучить разумную расу и привнести в общий анализ интересные детали. Цивилизацию Третьей планеты можно было назвать среднестатистической по уровню варварства – овладев ядерной энергией, этот вид разумных животных, сам себя называющий «хомо сапиенс», не придумал ничего лучшего, как копить тысячи ядерных и термоядерных зарядов. В то же время медицина у хомо находится на чрезвычайно низком уровне. Впрочем, есть и отрадная информация – хомо уже рвут связи с животным миром, стирая различия между полами. До подлинной андрогинности им еще далеко, но они уверенно двигаются по пути разрушения семьи, любви и прочих атавизмов.

Тхан Кох повернул голову и посмотрел за спину, где в обычных медицинских коконах лежали две особи с Третьей планеты.

Конечно, решать не ему, но он бы не стал возиться с цивилизацией хомо, обращая их в расу-сателлита империи Анг. Это займет много времени и потребует больших трат. А чего

для?

Кох искривил губы. Многие выходцы из его клана, в том числе и он сам, являются приближенными Его Императорского Величества, поэтому судить о том, что важно для Анга, а что не очень, Тхан имел право. Дело даже не в самой Третьей планете, не в хомо, хотя уровень своеволия и агрессивности у них и зашкаливает.

Кох, хоть и скрывал это, но все же втайне гордился, что именно ему доверили командовать рейдером сверхдальнего действия. Больше тысячи двухсот световых циклов отделяет Третью планету от Анга. В окрестностях империи расстояния между планетными системами не превышают одного светового цикла, а чаще еще меньше. А тут – тысяча двести! Полторы декады в гиперпространстве!

Что в такой дали может заинтересовать императора? И зачем тогда форматировать цивилизацию хомо, обращая ее в сателлита – прямо скажем, в вассала Анга? Даже если Третья планета станет верным сателлитом Империи, кому и для чего нужна будет верность и преданность хомо?

Ну, да ладно, эти вопросы не в его компетенции...

«Гичи, – почтительно обратился к нему штурман, – «Налиу» пробросил финишный коридор».

«Дальность?» – спросил Тхан Кох.

«Два миллиона шагов, гичи».

«Идем на сближение».

Кох кивнул – не словам, переданным по нейроинтерфей-

су, а своим мыслям. Экспедиция закончена, скоро им в обратный путь.

Император наверняка назначит ему аудиенцию, чтобы первым узнать о результатах миссии, о перспективах. Скорей всего дело дойдет до воздания почестей.

Кох зажмурился. Если его имя будет выбито на Камне Достоинства, то предки могут быть довольны...

Глава 2. ПРИШЕЛЬЦЫ

1. Околосемное пространство. 19 августа 2016 года

Родная планета уходила все дальше в черноту космоса. И десяти минут не прошло, как серо-жемчужная Луна, испещренная кратерами, тоже отдалилась, укатилась шаром для боулинга. Страйк...

Земной шарик плавно ушел из экрана, и тот словно потемнел – впереди открылась темная, обрызганная звездами бездна.

«Развернулись, что ли?»

Антон беспокойно задвигался. Ага! Пальцы, вроде, шевелятся. Отходят. Это хорошо.

Надо выбирать, однако. И брать за горло здешних звездолетчиков. Или это все кино? Графика и виртуальная реальность? Ну, тогда за горло он возьмет здешних шутников...

Ласково, так, за шейку... И втолкует насчет чувства юмора.

Доходчиво, так, втолкует... Кому-то аж тошно станет!

Глянув на экран, Ломов присвистнул – из темноты медленно надвигался другой корабль, похожий на сверкавшее яйцо.

Неожиданно все будто стронулось с места, и Антон почувствовал, как его внутренности поднялись к самому горлу. Дернувшись, он всплыл в своем коконе, нелепо задирая ноги. Невесомость!

Это открытие родило сразу два чувства. Какого-то детского радостного облегчения – все-таки не кино, не графика, все по правде! – и обреченности. Вполне взрослой.

Так он рад или как? Что – как?

Чему тут радоваться, товарищ лейтенант? В космос угодил? Сбылась мальчишечья мечта...

А ничего, что ты в плену? Или это не плен? Может, они тут из тебя всю кровь выдоют, как уэллсовские марсиане? Вариант: сделают чучела из него и капитана, и выставят в здешней кают-компании...

Ломов тряхнул головой, прогоняя мысли. Рано пока анализировать, ничего же неизвестно. Вопросов – масса, ответов – ноль целых, хрен десятых...

А корабль на экране все рос и рос. Ого! Ничего себе, яичко...

«Летающая тарелка» проскользила совсем рядом с бор-

том. Ломов только головой покачал.

Металлический овал корабля вытягивался в длину чуть ли не на полкилометра! Если это вообще металл...

Необъятный борт наплывал, освещенный Солнцем, и Антон разглядел на его поверхности аккуратный рядок чечевичек. Не сразу, но Ломов уразумел, что «чечевички» – это такие же корабли-боты, как и тот, на котором он сейчас находится. Тогда...

Лейтенант прикинул, что звездолет растягивался на километр.

«Вот это бандура...»

Было совершенно тихо, и вдруг где-то пискнул сигнал. Антон ощутил, как его притянуло к полу – слабо, мягко, но настойчиво.

А на экране плавно наплывал борт, и чем ближе он оказывался, тем больше деталей проступало на нем.

Антенны какие-то... Движки... Наверное, коррекции или маневрирования. А это что еще за «впадина»? Стартовый паз?

Корабль-бот приблизился вплотную, качнулся, словно примериваясь к вогнутому «ложу». Вписался, вошел, как камешек в оправу – и все замерло, обретая окончательное положение в пространстве.

В ту же минуту трое инопланетян встали – разом, как по команде. Ухватились за коконы с землянами, и понесли их.

«Добытчики» миновали шлюз корабля-матки, и зашага-

ли радиальным коридором, в покатых стенах которого зияли большие круглые люки. За ними открывались коридоры кольцевые.

По очереди переступив высокий комингс, «джедаи» шагнули в четвертый по счету проход, в два ряда заставленный прозрачными камерами.

В камере слева ворочалась зверюга, смахивавшая на хамелеона, только с «Жигуль» величиной. Поведя бронированной башкой, плавно переходившей в спаренный бивень, зверюга затрясла ею, увидев инопланетян. Бледные, желто-зеленые покровы бестии покрылись коричневыми пятнами, надо полагать, от злости, а оба наружных легких надулись, растягивая кровяную сеточку на белесых пузырьках.

«Мы одной крови...», – подумал Ломов с сомнением.

А напротив, в прозрачный лист чего-то прозрачного, как стекло, плющилась страхолюдная морда, сверкая многогранниками фасеток и взблескивая лезвиями роговых челюстей. Животина сидела на двух лапах, помавая двумя парами других, сухих и когтистых. Но поражало не это – мало того, что у твари наблюдался внешний скелет, как у земного насекомого, так он еще и дырявым был. Два отверстия зияли в шее-груди, еще два в области таза, даже голова, и та была дырява.

«Босха на тебя нет...»

В третьей по счету камере висел туман, и капли конденсата стекали, как будто по дверцам душевой. А внутри колыхался большой пузырь, размерами с упитанную корову.

С него свисала колеблющаяся полупрозрачная бахрома, волосатые жилки-щупальца то сворачивались, касаясь дна камеры, то раскручивались снова. Еще несколько лохматых шнурков уходило от пузыря в стороны и вверх, ритмично подтягивая и снова отпуская три «воздушных шарика» – потомство, что ли, отпочковывалось? «Шарики» будто дышали, становясь дряблыми, надуваясь снова, и вяло распускали пучки белесых нитей.

Такая, вот, форма жизни. Наверное, обитает в плотной атмосфере...

Ломов тут же рассердился на себя: ты что, посетитель космического зоопарка?

Их с капитаном занесли в пустую камеру, и безо всяких церемоний вытряхнули из коконов. Сулима шмякнулся боком, и перекатился на спину.

Антон вывалился, падая на четвереньки. Пол был мягкий, пружинистый и теплый.

Прозрачная стенка-штора опустилась. Детки в клетке.

Кряхтя от натуги, Ломов подтянулся, пытаясь усадить непослушное тело. Со второй попытки ему это удалось, и Антон сразу разглядел третьего – парня в камуфляже с лычками сержанта. Типичный русак – голубоглаз, курнос, скуласт.

Вытаращив глаза, он так смотрел на Ломова, словно увидел привидение, а потом его губы растянулись в счастливой улыбке.

– Наши!

– Типа того, – с усилием выговорил Антон. – Давно тут?

– Позавчера словили, гады, – с готовностью откликнулся сержант.

– Как попал-то?

– Да как... По дурости. В увольнительной был, потащили меня на природу, на шашлыки. Пошел я сухих веток наломать для мангала, а тут эти – хватать! – и сюда. Я со злости даже в стенку колотился, как дурак! А вчера, тоже не от большого ума, решил роботов использовать – они тут убирают, кормежку носят, воду меняют... А хрен там! Чтобы киберами командовать, нейрошунт надо иметь – имплантат такой, вот сюда, – сержант показал себе на висок.

– Все-то ты знаешь, – прищурился Ломов.

– Да куда там... – вздохнул его визави. – Видел просто. Я гляжу, вы из ВДВ? А звание?

– Я лейтенант, а он – капитан. Ага, очухался, вроде... Товарищ капитан! – Антон кое-как встал на колени, и стал тормошить Сулиму. – Вы как?

– Херово... – простонал капитан.

Вдвоем с сержантом Антон усадил Сулиму, и тот обессилено прислонился к прозрачной переборке.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – ослабилась Ломов.

Сулима расплылся в слабой улыбке.

– Иногда ты бываешь просто невыносим, – сказал он, шепелявя так, будто рот ему «заморозили» уколом лидокаина, –

так и хочется на «губу» отправить! Но порой я очень рад тебя видеть. А это кто? Тоже рыбак?

– Никак нет! – по-строевому ответил сержант. – Максим Чернов! Я в Самарской области по контракту служил, на аэродроме. Хотел в летчики, но не взяли – у меня со зрением проблемы. Пошел в техники...

– Ничего, – утешил его Сулима, – зато попал в космонавты!

2. Борт рейдера «На-лиу». 141-й день 5153-го цикла Анг

Тхан Кох прошагал сразу в свои апартаменты, не заглядывая в рубку. Зачем? Все уже было известно, обратная пульсация просчитана, оборудование работает в штатном режиме.

Зайдя к себе, Кох переоделся. Подумав, растер немного травки забвения, пальцем сгреб труху в маленькую кучку, и поджег электрозажигалкой. Вообще-то, огонь полагалось высекать кресалом, освященным в Небесном храме, но Тхан относился к древним ритуалам с небрежностью аристократа – это, дескать, для черни обязаловка, а знать обойдется без «накачки» религиозных, верноподданнических и прочих чувств.

Во всех этих церемониях, за которые еще цепляется старичье, сокрыто множество ошибок и откровенных глупостей. Какая разница, чем добывать огонь? Лишь бы этот бурый травяной порошок тлел потихоньку, лишь бы вился аро-

матный дымок – втягиваешь его ноздрями, и мысли уходят, голова пустеет, как во младенчестве. Ни тревог, ни волнений, ни даже желаний.

Вообще-то, травка – и не травка вовсе, а водоросли. Толкуют, что они чрезвычайно редкие, и растут лишь на мелководье у северных берегов Экваториального континента, но и к этому Кох относился скептически. Набивают цену торгаша, вот и все.

Неожиданно дверь открылась, и вошел Анха Гхоти – многие считали его самым привлекательным из пассивных партнеров на корабле. Анха улыбнулся, подошел, покачивая бедрами, и стянул комбез.

Никакие ухищрения генетиков не помогали, нередко природа оказывалась сильнее. Вот и у Анха его пассивность выдавало не только влагилице, но и заметно круглившееся груди.

«Гичи, давайте займемся сексом», – передал Гхоти на нейрошунт Тхана.

Кох поморщился – он не любил, когда его отрывали от одного дела, предлагая иное, но и показаться невежливым тоже было нельзя.

Он разделся, совокупился, и Анха, одеваясь, спросил: «Что делать с хомо, гичи? Стоит ли им имплантировать нейрошунты?»

«Не стоит, – покачал головой Тхан. – Обучите их языку, только не ангианскому, а линкосу, чтобы они понимали, чего

от них хотят. Полагаю, этого будет достаточно».

«Будет исполнено, гичи».

Гхоти ушел, а Кох вернулся к столу, хмурясь недовольно – травка истлела чуть ли не наполовину.

Хорошо быть командиром корабля – это честь и слава. Но не покой!

С другой стороны, врачи не зря пропагандируют секс, вслух проговаривая это ругательное слово, в себе самом несущее указание на различие полов, на биологический раскол расы.

И это не просто мода или эпатаж, секс действительно полезен для здоровья, хотя бы как кардиотренировка.

Приведя себя в равновесие, Тхан склонился над курившейся струйкой, и медленно втянул дымок, наполняя легкие дурманом, вытесняя из головы мысли. Хорошо...

Глава 3. ИМПЕРЦЫ

Борт инопланетного корабля. 19 августа 2016 года

Антон поднатужился, перебарывая слабость, и поднялся на одно колено. Отдышался, и медленно, с усилием, встал, перебирая ладонями по прозрачной переборке для пушного равновесия.

Ноги дрожали от напряжения. Так с ним уже бывало, когда валялся в госпитале.

Вспомнив пистолет-парализатор в лапе чертова гуманоида, Ломов непримиримо сжал губы. «Я вам это еще припомню».

Чернов за спиной произнес негромко:

– Может, бот захватить – и свалить? Одному никак, а вот втроем...

– Это с парусного фрегата можно было незаметно шлюпку спустить, – проворчал Сулима. – Да и то, смотря, кто вахту стоял. Бабахнут из пушчонки, развалят твою шлюпку ядром напополам, и плавай потом с акулами наперегонки. А эти... гуманоиды хреновы шамальнут из какого-нибудь аннигилятора, и даже горсти атомов от тебя не останется, весь перейдешь в излучение.

– Корабль захватить надо! – резко сказал Антон. – Весь этот сраный звездолет!

– Смело! – оценил капитан. – Может, скажешь, как?

– Подумаю еще, – буркнул Ломов.

– Понял, сержант? Поду-умать!

Настроение у Антона было паршивое, так что он едва удержался от грубости.

Тут в стороне мелькнула тень, и лейтенант не без труда повернул голову. По коридору двигались двое – обычные люди, такие же... Хотя не совсем – носы у обоих начинались не у переносицы, как у хомо сапиенсов, а с середины лба. Впрочем, это не казалось уродством, скорее странностью, причудой эволюции.

Гуманоиды были затянуты в черные комбинезоны, блестящие и обтягивающие. Один нес какой-то ящичек, у другого руки были свободны.

Остановившись у камеры с людьми, тот носолобый, что не был нагружен, приложил ладонь к овальному пятну на раздвижной стенке, и на потолке заработал сканер, пуская зигзагом знакомый голубоватый лучик.

– Чтоб вам всем попередохнуть! – выразился Антон, рывком опускаясь на пол.

Вовремя – парализующий луч сковал тело полностью, даже глазные яблоки не могли шевельнуться.

Войдя в камеру, носолобые поставили на пол ящичек, доставая оттуда неизвестный аппарат, а потом надели Ломову на голову блестящий полукруглый шлем, похожий на большую автомобильную фару. Кольчатый шнур соединял его с прибором, на панели которого мельтешили зеленые и синие огонечки. А вот и красненькие засветились, желтые замигали... Цветомузыка.

Видеть Антон мог лишь полупрозрачный потолок, но если верить ушам, такие же каски, как на нем, «братья по разуму» напялили и на друзей. Напялили и ушли, даже стенку не задвинули. А зачем?

Глаза у Ломова заслезились, и веки опустились сами. И то хлеб.

А голова-то... Побаливает.

Что им тут, мозги промывают? Или выкачивают инфу?

Сольют себе все, что у них в извилинах, и – ага. В расход...

Возвращение носолобых Антон ощутил даже не слухом, а задним местом – палуба едва ощутимо вздрагивала под ногами «представителей внеземной цивилизации».

Ломов открыл глаза. Лицо человека, склонившегося над ним, было совершенно лишено эмоций, не выражая даже скуку. Носолобый стянул с Антона шлем, сложил, судя по звукам, всю матчасть в контейнер, и покинул камеру.

Вверху загорелся зеленый светлячок, вытянулся в линию, заткал весь потолок изумрудным сиянием, и потух.

Ломов пошевелился, чувствуя, что силы вернулись к нему, лишь в мышцах еще сохранялась ломота. Но это было даже приятно.

Он подтянулся, и сел.

Второй из инопланетян по-прежнему стоял на пороге камеры. Рядом с ним, слегка покачиваясь и приседая, находился робот. Или кибер – этакое полушарие на восьми тонких коленчатых ногах. В его куполе открылась пара окошек, похожих на дверные глазки – они подозрительно светились знакомой голубизной.

«Понятно, овчарка...»

Гуманоид внимательно оглядел землян, и сказал:

– Все понимают, что я говорю?

Антон прекрасно слышал, как носолобый произнес: «Виу сагали-нэ до со убари-но?», но разумел сказанное не хуже, чем родную речь.

– Виу ло, – буркнул он.

– Вас обучили космолингве, или линкосу, что одно и то же, – продолжил инопланетянин. – Это стандартная процедура для представителей рас-сателлитов империи Анг.

Капитан набычился, исподлобья взглядывая на имперца.

– А с чего бы это земляне стали вашими вассалами? – спросил он с вызовом.

– Еще не стали, – невозмутимо ответил гуманоид. – Обрести почетное звание сателлита весьма непросто, это очень долгий процесс, иногда он занимает время существования двух-трех поколений. Впрочем, консультации в области астрополитики не входят в мои обязанности. Задавайте вопросы, относящиеся к сути дела.

– Ваше имя и звание?

– Тхан Кох, командир рейдера «На-лиу».

– Куда нас везут?

– Рейдер следует в метрополию, на материнскую планету Анг. До нее отсюда одна тысяча двести тридцать световых лет. Если сделать приблизительную привязку к данным земной астрономии, то мой рейдер летит в направлении туманности Ориона. В настоящее время корабль разгоняется, а через девятнадцать земных минут выйдет в гиперпространство, где пробудет тринадцать ваших суток, после чего финиширует.

– Мы считаем, что империя – отжившая структура, – прищурился Антон. – А вы?

Кох не оскорбился ничуть.

– А мы убеждены, – сказал он, – что империя – единственно возможная форма устройства государства, если целью общества является стабильность.

– То есть, застой? – подсказал Ломов.

– А что вы вкладываете в это определение?

– Торможение прогресса, отсутствие развития... Достаточно?

– Вполне. А вам не кажется, хомо, что так называемый прогресс во многих областях важно и нужно именно тормозить? Ваша цивилизация уже десятки лет с трудом удерживает баланс между миром и ядерной войной. Что, слава прогрессу? Кораблю нельзя лишь разгоняться, торможение ему нужно тоже, иначе он никогда не достигнет пункта назначения. Так что я, мы все, остаемся при прежнем мнении – развитием нужно управлять. Где-то ускорить, где-то замедлить или вовсе прекратить, чтобы негативные тенденции не множились. Не воспринимайте мои слова, как критику, – снисходительно сказал Тхан, – просто ваша цивилизация находится на таком низком уровне развития, когда развитие обязательно воспринимается, как неудержимое, и ни как по-другому. Анг – цивилизация зрелая, и мы судим иначе, уже не как взбалмошные дети, а с позиции опытных взрослых. И понимаем, что, если процесс не контролируется, то становится деструктивным. Либо приводит к непредсказуемым последствиям, что еще хуже, и недопустимо вовсе.

Цивилизация, которая не способна предвидеть итоги своих действий, несет в себе опасность самоуничтожения. И это не слова. По крайней мере, одна из разумных рас не успела стать сателлитом Анга – когда мы прибыли на планету Сара, там, за два года до нашего прилета, произошла глобальная война с применением термоядерного оружия. Целые континенты были превращены в радиоактивные пустыни, а над половиной Сара высели непроглядные тучи сажи и пепла, из-за чего на поверхности царили полумрак и холод.

– Ядерная ночь, – со знанием дела сказал Чернов, – и ядерная зима.

Кох подумал, и кивнул.

– Образные, но точные определения.

Максим, осмелев, поднял руку:

– Я заметил, что вы очень редко разговариваете друг с другом. Это что, телепатия?

– Это нейроинтерфейс. – Кох небрежно сдвинул прядь волос над виском, открывая металлический с виду кругляш, размером с двухрублевую монету. – В мой мозг имплантирован нейрошунт или, как его еще называют, нейросеть. Имплант напрямую взаимодействует с моим серым веществом, убыстряя мышление, увеличивая объем памяти, ускоряя восприятие, позволяя напрямую управлять машинами и аппаратами. Два человека с нейрошунтами, могут обмениваться сообщениями, и на это уходит меньше времени, чем на разговор. Вы получили достаточно информации?

– Последний вопрос, – холодно проговорил Ломов. – Вы считаете, это нормально – держать разумных существ в камере для животных?

– Вы – биоматериал для исследований, – ответил Тхан.

Сказал, как припечатал. Антон шагнул навстречу, качнувшись влево, чтобы уйти с линии огня. Робот всполошился, присел, сгибая ноги сразу в двух суставах, но ангианин был еще быстрее – отшагнул. И прозрачная стенка упала, как гильотина, отсекая камеру от коридора, а землян от имперца.

Тхан оставался бесстрастным, он не выразил ни страха, ни гнева, ни злорадства, вообще ничего. Повернулся, и ушел.

– Спокуха, Антон, – процедил Сулима, – спокуха. Будет и на нашей улице праздник...

– ...Когда перевернется «КамАЗ» с печеньем! – с воодушевлением заключил Чернов.

Глава 4. ПОЕДИНОК

Борт рейдера «На-лиу». 19 августа 2016 года

Гиперпереход Ломов прозевал, так и не ощутив, каково это – исчезать из «нормального» пространства.

Еще через полчаса явился член экипажа рейдера, принес три плашки с чем-то, похожим на размякший розовый сыр. Но пахло приятно – слюноотделение пошло.

Отвлечшись от кулинарных восторгов, Антон разглядел ангианина. На Тхана Коха со товарищи он походил мало – коренастый, с жесткими черными волосами, с обычным носом, инопланетник был хмур. Раздражение то и дело пробивалось у него на лице – обслуживать «всяких, там» ему было неприятно.

Насмотревшись на постную морду Коха, не ведавшую, казалось, не только эмоций, но даже мимики, Антон просто отдышал, глядя на раздатчика.

– Привет! – сказал он.

Коренастый лишь покосился на него.

– Я с тобой, кажется, поздоровался, – терпеливо проговорил Ломов.

– И что? – кисло осведомился раздатчик. – Мне теперь от счастья прыгать?

– Ну, можно и попрыгать, – пожал плечами Антон. – Или просто ответить, как вежливый человек. А-а, я понял... Ты не ангианин, ты раб!

Коренастый взвился, лицо его покраснело от гнева.

– Как смеешь ты, ничтожный, – прошипел он, – называть рабом меня?! Я свободный тавассианин! Да будет тебе известно, ничтожный, что Тавасса стала первым сателлитом Анга много циклов тому назад!

– И ты этим очень гордишься, – подхватил Ломов. – А то как же! Ведь хозяева бросают вам лучшие объедки! А когда глядят вас по головке, вы умильно щурите глазки, и тихонько

повизгиваете от удовольствия... Я все правильно описал?

Тавассианин выпрямился, его бледное лицо застыло, как маска.

– Меня зовут Китеш Ширра, – выговорил он, – и я объявляю тебя, ничтожный, своим личным врагом.

– Весьма польщен, Ширра, – глумливо усмехнулся лейтенант. – Меня зовут Антон Ломов.

– Мы еще встретимся... – мрачно сказал тавассианин. – Ант... Ломо.

– В любое время.

Раздатчик опустил прозрачную штору, и удалился.

– Врагов наживаем? – хмыкнул капитан, недоверчиво принохиваясь к инопланетному яству.

– Да ну его, – проворчал Ломов. – Корчит тут из себя...

– М-м-м... Вкусно!

– На что похоже?

– Ни на что не похоже!

Антон храбро откусил от розовой массы.

Хм. Действительно, вкусно.

Сырая мякоть жевалась легко, а рыхлые шарики, раздавленные языком, сочились, отдаленно напоминая икринки, вот только икры не красной, а, скорее, «заморской» – баклажанной.

Но и это сравнение было неуместным. Вкуснятина, короче.

– Что делать будем? – бодро спросил Сулима, доедая свою

порцию. – А, биоматериалы?

Ломов улыбнулся – капитан пришел в себя. Вон, и глазки загорелись... А чего ему? Ни жены, ни детей. Горевать некому.

А тут – космос!

Ломов про себя все твердо решил – на Землю он, конечно, вернется, но не раньше, чем вдоволь пошляется по Галактике.

Уж коли ему даден небывалый, по-настоящему фантастический шанс, то он его не упустит. А всякие, там, имперцы...

Прорвемся!

Антон покачал головой. Всего несколько часов назад он размышлял, сходить ли ему по грибы! Галактика...

Губу-то подкатай, лейтенант. Сам подумай – кто ты для ангиан? Мозговитая тварь. Особь из недоразвитой цивилизации, чьи представители носятся с термоядерной бомбой, как дураки с писаной торбой.

Вопрос: если люди считают нормальным охотиться на братьев своих меньших, то почему бы существам, настолько же превосходящим хомо сапиенсов, насколько те сами развитей дельфинов или слонов, не украшать свои гостиные чучелами Иванов или Джонов?

Ломов вздохнул, и покачал головой. Ничего не понятно, не известно, не ясно. Как он однажды вирши сочинил:

Только дали и туман,

*Лишь туман и дали.
И за далями туман,
И за ним лишь дали...*

Очень емкий стих.

Антон поражало отношение капитана, да и свое собственное к происходившему – никакого шока, никаких открытых ртов и подгибавшихся коленей. Любопытство было, интерес был.

Да и что такого сверхизумительного случилось? Звездолет прилетел? Ну, и что теперь? Подумаешь, звездолет...

Прогресс отучил людей удивляться, притупилась сама способность поражаться увиденному.

– Максим! Забыл спросить... Ты женат?

– Не сподобился, – хмыкнул сержант.

– Это хорошо... Я, вот, тоже бегал на воле, от ЗАГСа увиливал. Правда, я был очень честный и никогда не обманывал девушек. Чтобы, там, в любви клясться или обещать непременно жениться – этого я себе не позволял.

– Хороший принцип.

– Да чего хорошего! Себе же во вред! Соврал бы – и все утряслось, и в постельку. Ведь иной девчонке только слово и нужно, чтобы из платья выпрыгнуть, и слово это – ЗАГС! А я ей суровую правду...

– Зато теперь ни за кого переживать не нужно. А если бы дети остались?

– Да кошмар...

Антон обошел камеру. За стеклопластом слева росло кряжистое дерево с пористой, пульсирующей корой. На его плакучих ветвях шевелились удивительные листья, похожие на грозди винограда, только красного колеру. Ветки и сами были подвижны, а потом из грунта стал вытягиваться корень. Высунулся весь, потыкался в почву, и начал закапываться.

Камера справа была пуста, за задней стенкой стояла темнота.

Ломов надавил на холодную гладкую стенку. Толстенная, однако. Пятки у него закаленные, конечно, доску перешибут, а вот стеклопласт этот... Вряд ли.

– Ломо!

Антон удивленно обернулся. За прозрачной шторой собралась целая толпа коренастых, широких в кости, накачанных однопланетников Китеша. Надо полагать, на Тавассе притяжение сильнее земного. Хочешь, не хочешь, а качком станешь.

Стенка с шелестом поднялась, и один из здоровяков указал на лейтенанта растопыренными пальцами:

– Вот он, почтенный Кепеш.

Вперед шагнул седой качок. Бесцеремонно оглядев Ломова, он сказал:

– Мое имя – Кепеш. На этом корабле я – старший в клане Ширра. Ты, Ант Ломо, нанес оскорбление Китешу, сыну Нгоша. Стало быть, и всему клану Ширра. Оскорбление

смывается кровью. Ты будешь биться, Ант Ломо?

– Почтенный Кепеш, – серьезно ответил лейтенант, – я вовсе не хотел оскорбить сына Нгоша. Просто Китеш был груб, а я – воин, для меня честь много значит. Если Китеш принесет мне свои извинения, я прощу его. Если же он хочет биться... Ладно, я согласен.

Кепеш кивнул.

– Выбор оружия за тобой, Ломо.

Тут вышли двое молодых, они держали в руках ножи, большие и не слишком, прямые, схожие с кавказскими кинжалами, и кривые. Третий молодчик предлагал шипастые кастеты и кольчужные перчатки – как врежешь, челюсть своротишь.

– Почтенный Кепеш, я предпочитаю биться без оружия.

Седой одобрительно кивнул.

– Китеш молод и неопытен, чтобы защитить достоинство клана, – сказал он, – поэтому я выставяю другого бойца. Раш Ширра!

Из строя вышел молодой тавассианин с обритой налысо головой. Он был в одних коротких штанах и босиком.

Кепеш вопросительно глянул на Ломова. Антон кивнул: годится.

Сулима с Черновым подошли поближе.

– А биться как, – поинтересовался капитан, – до смерти или до первой крови?

Седой аж языком прищелкнул от удовольствия, до того

ему понравилась формулировка.

– До первой крови! – с чувством сказал он, и сделал жест: разойдись.

Тавассиане отошли в обе стороны, освобождая квадрат в ширину коридора, где-то четыре метра на четыре. Вполне себе ринг.

Антон стянул берет и тельняшку, скинул сланцы. Размялся малость.

– Готовы? – возвысил голос Кепеш. – Начали!

Присев, Раш Ширра выставил мускулистые руки, пошевелил короткими толстыми пальцами. «Штангу тебе тягать, – подумал Ломов, – а не по татами прыгать».

Пол под ногами был в меру упруг, самое то для восточных единоборств.

Легким танцующим шагом Антон приблизился к Рашу. Тот метнулся навстречу, с целью облапить как медведь, но Ломов отступил, и провел красивый двойной удар – большим пальцем ноги в висок, разворот спиной, и обратный мах ногой.

От жесткого удара Раш увернулся, а вот обратный пропустил – и покатился по полу, как сбитая кегля. Тавассиане зашумели.

Тут же вскочив, Раш кинулся в атаку, молотя кулаками. «Ах, так ты и боксировать умеешь? Ну-ну...»

Антон улыбнулся, припомнив, сколько раз за свою не столь долгую жизнь он благодарил старшину Макарыча за

то, что тот гонял салабона Ломова, вколачивая в него науку побеждать.

Макарыч не выступал на чемпионатах и не снимался в кино, хотя того же Брюса Ли уделал бы минуты за две. Конечно, ценители «строгого» кун-фу или каратэ мигом возмутились бы подходом Макарыча, а тому было плевать на мнение знатоков – старшина отбирал самые эффективные приемы, цеплял их в связки, и повторял, повторял, повторял... До автоматизма, до рефлекса.

Однажды в Хасавюрте, когда перед Антоном возник бородатый бандос с «калашом», руки сделали все сами: отвели ствол и разбили чечену горло. Мгновение – и победа. И жизнь...

В следующую секунду Ломов поплатился за невнимательность – кулак Раша разбил ему губу. Первая кровь!

– Пре-кра-тить! – раздался скучный монотонный голос, и тавассиане мигом прижухли, суетливо расступились, освобождая дорогу Тхану Коху.

Раш тоже вздрогнул, и опустил руки, а вот Ломов плевать хотел на всяких, там, ангиан и прочих истинных арийцев.

– Ки-йя-я!

Подпрыгнув, Антон приложил Ширру ребром стопы, и тот полетел на пол, едва не уйдя в кувырок назад.

Встряхнув руками, чтобы снять напряжение, Ломов повернулся к Коху. Кепеш в это время что-то торопливо лопотал, то ли на ангианском, то ли на тавассианском, помогая

себе руками. Командир рейдера милостиво слушал его, внимательно разглядывая Антона.

Отпустив всех, кроме землян, Тхан приблизился к лейтенанту.

– Ты хорошо дерешься, хомо, – сказал он.

– Дерутся коты, – усмехнулся Ломов, – а я бьюсь. Врукопашную. Может, с тобой сойдемся? Давно хочу набить твою холеную, постную морду!

Кох отрицательно покачал головой.

– Это исключено. Но ты можешь сходитья с теми членами экипажа рейдера, которые принадлежат к расам-сателлитам. С тавассианами, лхаллами или риитянами. Переход в гиперпространстве длится долго, и зрелище развлечет граждан империи.

– Позвольте спросить, – вежливо поинтересовался Антон, – а на хрена мне это надо?

– Логично, – согласился Тхан. – Я переведу тебя и остальных землежителей в каюту, а также сменю статус «ничтожных» на «низших». Это будет достаточной мотивацией?

– Вполне.

– И последнее, хомо. Адресуя свою речь ангианину, следует употреблять слова почтения. Мое личное положение дает право на обращение «гичи». Понятно?

– Да, гичи, – смиренно ответил Ломов.

Командир рейдера поднял голову, и подозвал Кепеша, маячившего в радиальном коридоре.

– Ты все слышал?

– Да, гичи, – поклонился седой.

– Отведи и устрой. Бой проведем завтра вечером, в отсеке номер шесть.

Тхан Кох развернулся и ушел, а Кепеш поманил землян за собой.

– Для вас все очень хорошо устроилось, – проговорил он возбужденно. – Гичи был на удивление милостив.

– А что такое «гичи»? – поинтересовался Максим.

– Это слово из древнего языка, а означает оно – «великий».

– Скромненько, – хмыкнул Сулима. – Ну, а с Антоном-то как? Все решили?

– Раш Ширра пролил первую кровь, – торжественно сказал тавассианин. – Оскорбление смыто, хотя ты и победил Раша.

– Один-ноль в нашу пользу! – ухмыльнулся капитан.

Глава 5. ТАКИЕ ЖЕ

Борт рейдера «На-лиу». 20 августа 2016 г.

Кепеш провел землян радиальным коридором, затем они поднялись по пандусу на верхнюю палубу, где располагались каюты младшего офицерского состава.

– А сколько вас тут вообще? – поинтересовался Ломов.

– Тридцать четыре ангианина, – стал перечислять Ширра, – семнадцать риитян, шестеро лхалл...

– Я говорю, – перебил его Антон, – всего сколько вас?

Кепеш замешкался с ответом – у него не укладывалось в голове, как можно считать имперцев вместе с сателлитами.

– Сто семь... – сказал он с запинкой. – Нет, сто восемь. Но мы никогда не выводим общую численность, это крайне неуважительно к гражданам империи!

– А вы, значит, неграждане?

– Гражданство следует заслужить!

– Тоже верно, – примирительно сказал Сулима.

Кепеш подошел к ближайшей каюте, и приложил ладонь к изображению пятерни – сегментная перепонка разъехалась, уходя в межпереборочные пазы.

Помещение было небольшим, примерно три на пять.

Выдвижные койки с широкими эластичными ремнями. Откидной столик. Терминал. Обзорный экран в качестве иллюминатора. Ниша с полками. Стенные шкафчики.

Самые обыкновенные шкафчики, как где-нибудь в земном спортзале. Все было очень по-людски, Ломов не ощутил какого-то отторжения, впечатления чуждости тоже не было.

Он отворил один из шкафчиков. Вон, даже плакатик какой-то приклеен изнутри.

Ну, разумеется, девушка. Разумеется, топлесс. И очень даже ничегё...

Встретишь такую на пляже в Сочи, ни за что не догада-

ешься, что она с иной планеты.

– Кепеш, а кто тут жил до нас?

– Пилоты Внешнего флота Содружества Лоа.

– Сателлиты?

– Н-нет. Вероятный противник. Империя уже как-то сталкивалась с лоанитами, примерно пятьдесят циклов тому назад. Мы с ними воевали за систему звезды Таоэ, вокруг которой обращается шесть планет, две из которых подходили для колонизации без ограничений.

– И кто победил?

Кепеш нахмурился.

– Миры Таоэ вошли в состав Содружества, – молвил он неохотно, – стали его Периферией.

Антон коснулся плакатика на дверце, и тут же отдернул руку – изображение задвигалось. Девушка томно улыбнулась, завела руки за шею, прогнулась, покрутилась влево, покрутилась вправо... Круглые груди упруго качались в стороны...

И картинка опять замерла. Здорово.

Отведя глаза от инопланетянки, Ломов пощупал висевший в шкафчике комбинезон. Синий, мягкий, но не из ткани.

– Надевайте, – сказал Кепеш за спиною, – они стерильные.

И утягиваются точно по размеру.

– Примерю! – решительно заявил лейтенант.

Шляться в трусах и тельняшке – это не комильфо.

Ломов натянул комбез. Он был ему велик, но стоило застегнуться, как одеяние стало помаленьку облегать Антона, в плечах растягиваясь, на талии собираясь.

– Главное, чтобы костюмчик сидел! – подал голос капитан.

Антон хмыкнул только, и обул сапоги того же синего цвета. Обувка словно обняла, облепила ноги, стало приятно и комфортно. Ну, сапоги – это по старой памяти. То, что на нем обуто, мягче и удобнее кроссовок. И легче.

– А что? Нормально, – оценил Ломов. – Чувствуешь себя человеком.

– Кепеш, а вот эти лоанцы... – начал Сулима. – Или, как ты там сказал? Лоаниты? У них как, тоже есть знать и чернь, «великие» и «ничтожные»? Или свобода, равенство и братство?

Тавассианин поморщился.

– А, у них все, не как у людей. Равенства на мирах Лоа точно нет – все общество разделено на четыре ранга – А, Б, В и Г, если употреблять первые четыре буквы космолингвы. В каждом ранге по десять классов...

– Примитив, – оценил Ломов. – Я о таком у Азимова читал.

– Слушай, ты, любитель фантастики! – рассердился Сулима – он терпеть не мог, когда перебивали. – Ты можешь хоть минутку помолчать? Читал он... Тут же не книжка, тут жизнь! Рассказывай, Кепеш.

– А что рассказывать? – пожал седой плечами. – Так и живут. Самый нижний ранг – «Г-1», самый высший – «А-10». Каждый ранг дает свои привилегии. Класс «Г» ходит в синих комбинезонах, «В» – в серебристых, «Б» – в черных, «А» – в белых. Основная масса – это «Г» и «В».

– А если бы мы попали к лоанитам? – несмело спросил Максим. – Мы бы тоже какой-то ранг получили?

– «Какой-то!» – фыркнул Кепеш. – У вас вот тут, – тавассианин постучал по виску, – нет нейрошунтов. Стало быть, будете относиться к самому низшему классу – «Г-1».

– А «Г», оно и есть «Г», – вывел лейтенант.

– Ничего, доросли бы, – пробурчал капитан.

– Ладно, пошел я, – в тон ему сказал тавассианин. – А ты, Ломо, не забудь про поединок.

– Лишь бы вы, почтенный Кепеш, не забыли нас покормить, – пропел Антон.

– Китеш явится вовремя, – насупился тавассианин.

– Ждем с нетерпением!

Седой ушел, и земляне стали устраиваться. «Забив» койку, лейтенант подсел к терминалу, но тот был заблокирован.

– Куды ж нам, отсталым, без дырки в голове, – пробормотал Ломов.

– Какой дырки? – не понял Максим, устраивавшийся на верхней полке.

– С нейрошунтом.

– А-а... А чего это за экран?

– Обзорный. Фантастику надо читать!

Присмотревшись к маленькой панели сбоку от обзорника, лейтенант разобрал надпись «Вкл.»

Ну, «вкл.», он и на Анге «вкл.». Ломов утопил клавишу.

Обзорник тут же заработал, передавая вид за бортом. Никаких тебе звездных россыпей – однообразное серое Ничто. Гипер.

Антон, бесшумно ступая по мягкому покрытию пола, обошел всю каюту, поднялся на цыпочки, и заглянул на верхнюю полку ниши. Ага, что-то есть!

Ломов осторожно взял сложенный вдвое белый листок. Не бумаги, а чего-то гладкого, белого и прочного. Какого-нибудь... этого... пласт-папира. Да хоть как назови, все равно письмо!

Буквы были выведены аккуратным, разборчивым почерком – так пишут прилежные ученики. Или ученицы.

Немного стыдась, Ломов взял в руки листок, и прочел:

«Лоа. Центральный край. Мирет, сектор «УП-82», блок 13.

Добра тебе, милый братец!

Тебя так давно не было, что много новостей накопилось.

Дядю Роана перевели в класс «В-3», и теперь он съехал из нашего блока. Сказал, что ему дали отдельный модуль где-то в Западных секторах. Хвастается, наверное. В секторах

на Западе живут сплошь «бэшки», куда ему!

Но я все равно рада – теперь у меня будет своя комната! Я уже перетащила туда автокровать, чтобы Лита не пролезла первой. Конечно, вечером она пришла из учебки и разнылась, но я была тверда: кто из нас старшая? Я или она? То-то. Я дольше ждала, пускай теперь она подождет!

Тарий просто помешался на учебе, все время кричит на нас, что мы мешаем ему заниматься. Мама Нея постоянно братцу поддакивает, и тоже нас ругает, а мама Аса нас защищает, говорит, что мир и покой в семье гораздо важнее, чем повышение класса.

Не знаю. У меня через год испытания, дядя Роан уверяет, что мне светит «Г-8», не меньше, а я даже не знаю, какую специальность выбрать. Эла – ты ее должен помнить, она живет в соседнем секторе, – хочет стать сервис-инженером, а я боюсь. Нет, получить такую специальность – это здорово, конечно, только кто же мне такую закачает бесплатно? А купить – за что? Мнемокристалл по специальности «Сервис-инженер» обойдется чуть ли не в десять тысяч сантов, я узнавала. Столько обе наши мамы получают за год! Да ты и сам знаешь.

Я советовалась с мамой Неей, и она сказала, что можно начать с сервис-оператора, набраться опыта, а уже потом купить мнемокристалл – так выйдет гораздо дешевле. Наверное, я так и сделаю.

Да, что Лита вчера учудила, малявка? А я, говорит, во-

обще учиться не буду. Я, говорит, замуж выйду за «ашку», как в том сериале! Представляешь? Я ей тогда сказала, что она дура – толку от ее замужества? Она-то все равно останется «гэшкой»! А Лита кричит: «Подумаешь! Да что мне этот ранг, если я буду жить в Центральных секторах, а то и вовсе на вилле у Лазурного моря!»

Представляешь?

А еще мы пушана завели, он весь белый, только на хвосте черное пятнышко. Он так смешно фырчит, когда ему дают ломтик вареной буллятины! Любит ночевать у меня в ногах – свернется и спит, только вибриссы шевелятся.

А сейчас я расскажу тебе новость по секрету, только ты никому не говори, ладно? Мама хотят найти нам нового папу! Представляешь? Я случайно подслушала – ночью. Мне пить захотелось, я в санмодуль зашла, а свет не включала. А мамы собрались в секции у тети Хали, и шепчутся. Мама Нея даже предложила выйти замуж отдельно, а Хали с Асой тут же на нее накинулись, ругать стали – да как тебе не стыдно, и в кого ты такая пошла... Хали сказала, что не потерпит разврата в блоке, и все возмущалась: «А о детях ты подумала? Каково будет вашим девочкам жить рядом сразу с двумя отчимами? Да и где ты найдешь такого мужчину, который согласится иметь всего одну жену? Мне тут еще только моногамных извращенцев не хватало!»

Вот такие страсти у нас тут бушуют. Когда ты вернешься?

Да пребудут с тобой небеса. Лона»

Улыбаясь, Антон передал письмецо капитану. Тот стал читать, хмыкая и качая головой.

А Ломов вдруг ощутил некое сродство с лоанитами. Нет, они не стали для него своими, но уже и чужими их не назовешь. Какие с них гуманоиды? «Такие же люди, как мы».

Явившегося раздатчика встретили, как родного. Умяли угощение, и завалились спать. Утро вечера мудренее.

Глава 6. ГЛАДИАТОРЫ

Борт рейдера «На-лиу». 21 августа 2016 года

Провалявшись до обеда, Ломов подкрепился. Подергал двери каюты – заперто. Ну, еще бы...

За бортом сплошная серость. Пасмурно в гиперпространстве.

Намаявшись в досталь, Антон сделал зарядку, и стал готовиться к «потешным боям». Разминка, растяжка, спарринг с Сулимой.

– Вы, товарищ капитан, – проговорил Ломов одышливо, – сильнее бейте...

– Так, стоп, лейтенант! – решительно сказал капитан. – Хватит меня по званию величать, да выкать! Мы не на Земле,

понял? Тут ты Антон, а я – Иван. Понятно?

– Так точно! То есть... Ага!

– То-то...

– Почтение не позволит, товарищ капитан, по имени-то!

Михалыч – еще куда ни шло.

Сулима возвел очи горе и покачал головой. Но спорить не стал...

...К вечеру «Ант Ломо» был в форме.

За ним пришел незнакомый ангианин, представившийся Хметом Сохом, и незаменимый Кепеш.

Хмет Сох молчал, важно шествуя впереди, а тавассианин семенял следом.

– Мы посоветовались, и выставили Каша Ширу, – говорил он. – Каш молод, но уже неплохо освоил ритуальный бой, который исполняется на тризнах, а также бой-приветствие и бой-прощание...

– Каш, так Каш, – флегматично заметил Ломов. – Разучим с ним бой-размышление...

Кепеш с уважением поглядел на землянина.

Отсек номер шесть представлял из себя огромное пустое помещение, где в ряд стояли обтекаемые машины хищных очертаний. Они были здоровенными, вроде «Су-27» или «МиГ-31», и такая ассоциация вовсе не зря пришла Ломову на ум – машины являлись космоатмосферными истребителями.

Занимали они чуть более половины отсека, и оставшегося

места вполне хватало для «арены» – квадратной площадки, которую со всех сторон обступили члены экипажа.

Первые ряды, конечно же, занимали носолобые. Имперцы стояли спокойно, сложив руки на груди или свесив их вдоль тела – карманы в комбезах отсутствовали. Кстати...

Ломов стянул с себя синий комбинезон, и передал его Сулиме. Неча одёжу портить.

Противник землянина уже топтался на арене, весьма гордый оказанным доверием. Это был молодой тавассианин в штанах, больше похожих на длинные шорты.

Кепеш поглядел на Тхан Коха. Тот кивнул.

– Сходитесь!

Каш двинулся по дуге, враскачку, косясь на Антона. Тот шагнул навстречу – молниеносно присел, подсекая тавассианину ногу. Каш потерял равновесие, но устоял бы, что не входило в планы лейтенанта. Вскочив, Антон нанес не сильный йоко-гери, врезав противнику стопой в грудь – тавассианина снесло.

Толпа зароптала, даже у ангиан глазки заблестели.

Пока Каш поднимался, Ломов отдыхал, готовясь отразить натиск. Тавассианин набросился на Антона с кулаками, но особенно размашистых ударов избегал, осторожничал – видимо, извлек уроки из поединка между землянином и Рашем, не горячился особо.

Ломов припомнил гладиаторские бои, и решил испробовать методу, принятую еще в римских амфитеатрах – убла-

жить толпу.

За день дураковаления они с капитаном пришли к выводу о том, что устраивать развлекалово для экипажа – это не только возможность улучшить жилищные условия, но и наладить контакт. Они вполне могли бы просидеть в камере рядом с прочими bestиями здешнего «Космозо», и тогда о них мало кто узнал бы из тавассиан, риитян и так далее. Теперь же землян знают все, и слава бойцов будет нелишней.

Антон изобразил отступление под градом ударов Каша, а тот бил увесисто, и прямые выдавал, и хуки с апперкотами. Ломов и сгибался, и блоки выставлял, и покачивался – толпа ревела.

Вот-вот тавассианин уложит этого заносчивого хомо!

А хомо неожиданно прынул в сторону, и нанес удар ногой в живот Кашу. Тот, уже праздновавший победу, не ожидал подвоха, и сложился пополам. Та же нога хлестко ударила тавассианина в лицо.

Взмахнув руками, Каш шлепнулся на пол, хлюпая кровью, и тут же поджал ноги, опасаясь, что хомо его добьет.

А хомо будто вовсе потерял интерес к драке – прохаживался рядом, разминая шею, и уже каждому стало ясно – поддался он не потому, что слаб, а потому, что так захотел.

«Последний раунд», – подумал Антон.

Каш сохранил силы, и был очень зол.

– Крашгар кляй-шух-га! – рычал он, пуская розовую слюну. – Жрашшаз киль ёш-каш-пхе!

Ломов молча метнулся ему навстречу. Нанеся несколько прямых «дзуки» по корпусу в надежде, что анатомия у разных человечеств сходится не только во внешности, но и во внутренностях, он исполнил знаменитый «ливерпульский поцелуй» – ударил Каша головой в лицо, ломая тому нос.

Тавассианин рухнул навзничь. Он скребся, как большой жук, но вставать уже не пытался. Готов.

Лицо в крови возбуждало носолобых – они оживились, задвигались, молча перебрасываясь мнениями. На паре лиц даже улыбочки наметились – это выглядело так же непривычно, как ухмыляющийся чайник.

Господи, подумал лейтенант, до чего же они похожи на нас... Точно такие же! Или это общее свойство всех людей – получать удовольствие от кровопролития?

Кепеш сказал деревянным голосом:

– Согласен ли Ант Ломо сойтись со вторым бойцом?

– Согласен, – пожал плечами лейтенант.

– Но только бой пойдет с оружием!

Тавассианин вынес на всеобщее обозрение ритуальные мечи – клинки длиною в полметра.

– Нет, так дело не пойдет! – воспротивился капитан.

– А можно я? – внезапно выступил Максим.

– Ты чего? – вылупился Сулима.

– А чё? – пожал плечами Чернов. – Я со школы в секции занимался. Фехтованием. Даже на первенство России выезжал.

– Ну, смотри... – с сомнением протянул капитан.

– Давай, Макс, – хлопнул сержанта по плечу Ломов, – покажи им мастер-класс!

Кепеш подбежал к Тхан Коху, и тот дал согласие.

– Мах... Черон! – объявил тавассианин. – Против Хее Оа!

На площадку шагнул невысокий, сухощавый риитянин. Морщинки на его бледном лице выдавали возраст, но выглядел Хее, как хрупкий юнец.

Особых отличий от хомо сапиенсов у выходцев с Рииты не замечалось. Разве что сильно выпиравшие ключицы, да заостренные кончики ушей. Но это не настолько бросалось в глаза, чтобы путать риитян с эльфами.

Хее Оа вышел в одной набедренной повязке, Чернов тоже разделся до трусов. Жилистый сержант в «семейниках», да еще с мечом в руке, выглядел забавно, но только не для экипажа «На-лиу» – толпа зароптала, словно обсуждая, кто за кого собрался болеть.

Риитянин напал первым – закружился, кроя воздух мечом, словно изображая вихрь. Максим отскочил, взмахивая клинком.

Хее замер в эффектной позе – в полуприседе, одну ногу изогнув в колене, другую вытянув, меч над головой. Хоть статую из него ваяй.

А Чернов сделал выпад безо всяких изысков – ударил на «длинную руку», то есть вытягивая эту самую конечность. Риитянин со звоном отбил меч, а клинок Максима сверкнул,

описывая полукруг, и обрушился по косо́й сверху.

На этот грубый удар в манере рубаки-викинга у Хее не нашлось ответа в изящном «балетном» стиле. Пришлось суетливо откатываться, блокируя меч сержанта из положения лежа. Получилось весьма неуклюже, но получилось – Оа отделался порезом.

Вот только Максим не отставал, и времени на то, чтобы риитянин занял новую академическую позу, не давал – он гонял Хее, атакая то слева, то справа. Меч его так и мелькал, рассекая воздух по диагонали и вертикали. Чудилось, что у Чернова в руках не один, а два меча, а то и все три.

Сержант сбавил свой напор лишь однажды, отшагнув и отводя меч. Хее Оа не сразу понял, что сталь разящая уже не грозит его буйной головушке, и на рефлекс дернул мечом.

Ломов довольно хмыкнул – мелкие ранки покрывали и руки риитянина, и грудь. Струйки крови стекали, впитываясь в штаны.

А сержант был чист и свеж, даже не запыхался.

Хее Оа покрутил головой, и бросил свой меч на пол – сдаюсь, мол. Шум разошелся по толпе, как порыв ветра, но все было честно.

Кепеш вышел, поднял руки над головой и резко опустил их – бои окончены. Экипаж, оживленно переговариваясь, стал расходиться.

Даже имперцы, и те выглядели живыми, обычными людьми.

– Ну, что, гладиаторы? – ухмыльнулся Антон. – Айда в застенки! Михалыч, бои будут через день, так что готовься.

– Я вашим рукомашеством и дрыгоножеством не занимаюсь, – с деланной надменностью заявил Сулима.

– Ногами дрыгать я буду, – успокоил капитана Ломов, – а ты в самбо смыслишь, я знаю. Повалешь здешних борцов, они тебе только спасибо скажут. Заметил, как Раш бился? Он скорее к вольной борьбе привычный, чем к рукопашке.

– Ну, попробовать можно...

Так и прошла неделя полета. Потом другая.

Сулима выступил с таким успехом, что затмил лейтенанта с сержантом – броски и захваты были куда понятней имперцам с сателлитами, чем удары, да блоки.

Ломов не слишком-то напрягался, и друзей осаживал, чтобы не увлекались особо. Биться всерьез он не собирался, и показывать все свои умения... Зачем? Кто ему имперцы? Друзья?

Но своего он добился – его узнали, и Антон между делом перезнакомился со многими. Сдружиться не сдружился, но доброжелательного уважения добился. Разумеется, среди его знакомцев ангиане не числились.

В последний день перед финишем Ломов сидел на узком комингсе у входа в отсек номер четыре. Переборка тут была толстая, а сдвигавшиеся двери – широкими. Сидеть было удобно.

Четвертый отсек, как и шестой, являлся, по сути, ангаром для истребителей, только не космоатмосферных, а пустотных. Истребители были похожи на трубчатые рамы, из которых торчали дюзы и турели всяких, там, плазменных излучателей, а внутри пряталась шаровидная спасательная капсула – если боевую машину подбивали, пилот спасался в ней. Впрочем, могли так шарахнуть, что истребитель превращался в облачко пара. Или в поток излучения.

Антон сидел, и думал. Завтра они придут на место, на финиш-планету.

Анг. Центральная планета империи. Метрополия.

И что с ними будет? Чего, вообще, хотят ангиане? Зачем они посещали Землю? Из чисто научного любопытства?

Как-то не верится. А если готовится вторжение? Весело...

Это у американцев все просто. Наснимают в своем Голливуде разных киноподелок на тему «Как наши побивают пришельцев», и рады. А что выйдет на самом деле, когда на орбиту вокруг Земли выйдет реальный флот империи Анг?

Ракеты земные они собьют на подлете, играючи. А что еще его однопланетники могут противопоставить чужим? Да ничего!

Тем более, что ангиане и не собираются устраивать «войну миров». Вынудят все правительства принять их условия, и станут обращать земную расу в еще одного своего сателлита. «Мягкая сила».

И ведь большинство будет только радо такому исходу! А

что?

Ангиане живо прекратят все войны на Земле, накормят голодных всякой квазибиотической хренью – и будет нам счастье...

Неожиданно в коридор вышли лхаллы – одинаковые, как бобы в стручке, длиннолицые, будто моаи с острова Рапа-Нуи. Они торжественно поставили на пол большой медный кувшин, окружили его, и стали плясать, положив руки друг другу на плечи. Они прыгали, водили диковатый хоро-вод, ухая и качаясь, а потом расселись вокруг кувшина, и пу-стили его по кругу.

– О чем думаешь, Ломо? – послышался голос.

– О жизни, Раш, – отозвался Антон.

Тавассианин присел рядом.

– А чего о ней думать? – хмыкнул он. – Жить надо, да и все.

– Ты помнишь, как твоя раса стала сателлитом Анга?

– Да ты что! Это было лет за сорок до моего рождения.

Один прадед только и помнит то время. Потому, наверно, и ушел в леса. Знаешь, что он нам с братом сказал однажды? Вы, говорит, как дикие сарки, которых загнали в теплый хлев. А вы и рады – хищники вас больше не трогают, кормушка всегда полна. И вы, говорит, предпочитаете не думать о том, что вас доят и снимают шкуру. Вы, говорит, забыли, каково это – скакать по степи, свободно пастись среди росистой травы и пить воду из родника... Не знаю, может,

он и прав в чем-то. Как тут рассудишь? Вон, мать моя вечно ругалась с прадедом. Что ты, говорит, ноешь? Хорошо тебе было раньше? Ага! Попробуй, собери зимой вязанку хвороста, ежели лес принадлежит Большому жрецу! А чем детей кормить, когда последнего длиннонога уведут со двора за долги? Нынче же вся малышня сыта, одета и обута, обучена и пристроена. Чего тебе еще, старый ты пердун?

Когда Ломов отсмеялся, Раш руками развел:

– Во-от... так вот. И кто из них прав? Как тут скажешь?

– Да, сложная задачка...

– Слушай, Ломо, давно хотел спросить. А ты кем был на своей планете?

– Я-то? Воином.

– Это я уже понял. А каким? Вон, Хее Оа был всадником.

А ты?

– А я – десантником. Воздушный десант, понял? Нас сбрасывали с больших, таких, летальных аппаратов, реактивных. Мы приземлялись, и сразу вступали в бой.

– Ух, ты... А корабли у вас были?

– Были, конечно. Атомные, с ракетами, вот с такими вот истребителями, только атмосферными. А-а... Понял. Ты имеешь в виду космические корабли?

– Ну, да.

– Как тебе сказать... На орбиту мы летали, а дальше не на чем было.

– Все равно, здорово, – вздохнул Раш Ширра. – У нас

только телеги были, а по рекам мы на таких больших лодках гребли...

– Так ты рад, что Тавасса – сателлит империи? Или нет?
Раш помолчал.

– Не знаю... – глухо сказал он. – Нет, ну вот кем бы я стал, если бы не имперцы? Да копался бы в огороде, как отец мой, как дед. Пас бы длинноногов, платил бы оброк Большому жрецу и бил поклоны перед образом Его Премудрейшества. Плохо это? Или хорошо? Как тут рассудишь? Да, теперь я летаю на космическом корабле, мне вращали... этот... ней-рошунт. И что? Стал я от этого счастливее? Ёш-каш-пхе!

– Пипец! – согласился Ломов.

Глава 7. ПИРАТЫ

Борт рейдера «На-лиу». 5 сентября 2016 года

На финише рейдер сотрясся, а обзорный экран вспыхнул россыпями звезд, кое-где собранными в скопления, но их подавляло главное украшение здешнего неба – туманность Ориона.

Туманность выглядела роскошно, расцвеченная красным, багровым, синим, голубым, розовым. Сержанту она напомнила летучую мышь, а Ломову – натянутый лук. И еще две ярчайшие звезды невольно вызывали восхищение и трепет – Ригель и Бетельгейзе.

Ригель был настоящим чудовищем – этот бело-голубой сверхгигант каждую секунду изливал миллион тонн света,¹ но виделся просто как самая заметная звезда. Бетельгейзе была сверхгигантом красным, и не слишком отставала от собрата.

Неожиданно по палубам корабля разнесся вой сирен.

– Слушать всем! Срочное торможение! – заревели звучатели, передавая приказ Тхан Коха. – По местам посадочного расписания! Двигатели на торможение!

Ломов подскочил к двери, и выглянул в коридор. Мимо пробежал Кош Шат, молодой тавассианин, пилот истребителя-пустотника.

– Что случилось? – крикнул Антон.

Кош перешел с бега на шаг, и остановился.

– Можно, я у вас? – выдохнул он, запыхавшись. – А то... не успею!

– Заходи!

Шат перешагнул комингс, и сразу сел на откидную койку.

– Садитесь, садитесь! – заторопил он землян. – Тхан так рвать будет, что гравикомпенсаторов не хватит!

Все сели, а сержант и вовсе лег.

– Да что случилось-то?

– А то и случилось, о чем еще Кепеш толковал! Никто еще не летал так далеко, как мы. Две недели в гипере – это не

¹ Для сравнения: взрыв мощной термоядерной бомбы – это примерно 0,9 грамма света.

просто круто, это слишком круто! Никакие компы не справляются с расчетами, даже каскадный метод не помогает. Кепеш пытался объяснить это Тхану, но разве гичи послушает простого далая? И вот вам, пожалуйста! Должны были выйти в двух мегаметрах от Анга, а промахнулись на пять миллиардов километров! Мы на окраине системы, в районе второго астероидного кольца.

– Ну, ничего, дотянем как-нибудь... – неуверенно сказал Сулима.

– Вон они! – кивнул на обзорник Кош.

– Кто? – не понял Антон. – Астероиды?

– Пираты!

– Кто-кто-кто?! Пираты?

– Ну, да! Тут их секретные космодромы, на Теневом Кольце. Флот сюда не суется, смысла нет гонять крейсера, а мы как сдуру сунулись! Вышли из гипера прямо на пиратскую базу. Пираты сами никогда не станут нападать на имперский рейдер, но уж если он сам на них напал...

– «На-лиу» же не напал, – подал голос сержант.

– Верно, – вздохнул Кош, успокаиваясь, – вот только пираты об этом не знают. Видите, вон те пятнышки? Это пиратские корабли, они выстраиваются «воронкой» или «полусферой» – это построение для атаки... Ох... Тормозим...

Навалилась перегрузка. Антона вдавливало в мякоть койки, щеки обвисли, в глазах почернело. Дышать было трудно – такое ощущение, что ему на грудь уселся Сулима.

Мысли волочились с трудом, будто тоже отяжелев. Пираты...

Раньше он о них только читал. Хотя чего в бандосах такого необычного? Просто людям въелось расхожее представление о том, что пиратство – это, дескать, достояние прошлого.

XVII век, «Веселый Роджер», «Йо-хо-хо, и бутылка рома...»

Между тем, пиратство – это всего лишь морской разбой, криминал. Никто ж не удивляется, что воры и грабители существуют и в XXI столетии, а вот пиратам в том отказано. Только они от этого никуда не делись – быстроходные катера с пулеметами орудуют в Южно-Китайском море, в Аденском и Гвинейском заливах – это на Земле. Выйдет человечество в космос по-настоящему, и там пираты заведутся. Космические.

Чтобы истребить криминал, надо сперва ликвидировать в душах людских корысть, себялюбие, подлость, ложь. Не получается?

Ну, тогда ждите, что мерзавцы и подонки расползутся по галактике. Ангиане уже дождались...

Рейдер был «гравитаблем» – кораблем с двигателем-антигравом, и сейчас он трясся всеми своими палубами и переборками, погашая чудовищную скорость, набранную при разгоне. Этому помогали раскалившиеся тумбы гравикомпенсаторов, минусуя ускорение.

Ломов разобрал в обзорнике три или четыре подвижных

пятнышка. Чем они стреляли, было неясно, но явно не ядрами, и даже не гиперзвуковыми ракетами. В ход шли пучки антипротонов, выедавших в бортах целые ямы – маленькие кратерки, брызжущие жидкой керамикой и металлическим паром. Били лучи лазеров-гигаваттников, или заряды высокотемпературной плазмы.

Короче, все то, что способно поразить цель, летящую на второй космической. Ракеты тоже пускали в дело, если те летели с быстротой метеоритов. А иначе как догонишь корабль?

Тут все те знания, которых Антон нахватался за последнюю неделю, выдуло из головы – экран обзорника окрасился дрожащим багровым свечением, в космос снопом полетели рдеющие брызги.

Попадание!

Корабль не тряхнуло, по нему даже дрожь не прошла – всколыхнуть такую массу было сложно.

– Т-твою мать! – выразил свою мысль Сулима.

– Ёш-каш-пхе! – поддержал его Кош. – Это на периферии второй палубы, где штурмовики!

– Боевая тревога! – разнеслось по рейдеру. – Боевая тревога!

Торможение то ли прекратилось, то ли убавилось до той отметки, когда гравикомпенсаторы сводят перегрузку на нет.

– Мне пора! – решительно заявил Кош, покидая свое место.

Он вышел за дверь, а Ломов сжал зубы – тавассианин шел исполнять свой священный долг.

– Расслабься, – буркнул капитан, – это не наша война.

– А что ты запоешь, когда пираты забегают по палубам?

– А чего ты сразу окрысился? Я же не в том смысле! Ты видел корабельные... эти... активные средства?

– И что?

– А то! – рявкнул Сулима. – Как их наводить, ты знаешь? А на какую пимпочку жать? Да и вообще, кому ты там нужен, без шунта в башке? На боевой пост тебя, может, и пропустят, но орудие не разблокируется даже!

– Спокуха, – повторил Антон капитанскую присказку.

– Да пошел ты... – проворчал Иван.

Свет в каюте мигнул. В обзорнике, будто ослепительное эхо, сверкнула вспышка. В ту же секунду один из пиратских кораблей украсился бледно-фиолетовым пламенем, тающей сферой атомного распада.

– Есть!

– Второму и третьему, – гулко раскатилось по коридору, – готовность «раз»! Первый, доложите готовность!

– Первый готов.

– Звену отстрел!

В поле зрения оптических рецепторов, передававших картинку на обзорник, появились четыре стремительных тени – это вылетели истребители-пустотники. На боевое задание.

Лазерные лучи в вакууме были не видны, зато, когда они

соприкасались с бортом корабля, возникал фейерверк из дыма, пламени, пара и капель расплавленного вещества. Пара таких «фонтанов» ударила с обшивки «На-лиу», а потом один из истребителей, закрутив «бочку», неожиданно вспух, раздуваясь лиловой тучкой. Огонь сразу угас, и только облачко обломков рассеивалось во все стороны.

– Вот гаденьши!

Ломов усмехнулся – Сулима, видать, «прижился», раз стал идентифицировать себя с экипажем рейдера. А ведь никто пока не менял их статус «биоматериалов для исследований»...

Видимо, это какая-то внутренняя потребность, свойственная человеку (не важно, под каким солнцем рожденному) – быть частью толпы и точно знать, где «наши», а где «чужаки».

Тут на экран выполз пиратский корабль. Он был невелик по сравнению с рейдером, всего метров двести в длину (обзорник выдавал приблизительные значения). Рядом с изображением корабля замигала надпись на космолингве: «Малый атмосферный скаут».

Похоже, именно с него вели огонь по пустотникам.

– Второму и третьему звену – отстрел!

Целая эскадрилья набросилась на скаут, жаля его со всех сторон – огненные язвы на обтекаемом корпусе множились, сливаясь в красно-желтые кляксы, а потом какое-то из звеньев ударило залпом, пробивая борт.

Мгновенная разгерметизация вышвырнула наружу клубы замерзшего воздуха, скрюченные тела, обломки.

Видеть, что происходит в стороне кормы или носа «На-лиу» земляне не могли, но было ясно, что драка шла ожесточенная.

По всей видимости, пираты на самом деле решили, что рейдер на них напал, а посему следовать традиции не связываться с имперским флотом бандосы перестали. «Наших бьют!», и все такое.

И тут в рейдер попало по-настоящему.

Глава 8. АБОРДАЖ

Борт рейдера «На-лиу». 5 сентября 2016 года

Корабль потрянуло, а из коридора донесся дичайший вой утекавшего воздуха. На второй секунде рев перешел в свист, и захлебнулся. Видеорама на дверях, извещавшая: «Осторожно, вакуум!», замигала и погасла.

Разумеется, Антон тут же сунулся проверить, что там и как. Двери раздвинулись, напуская холодного тумана. Невидимые вентиляторы гудели, разбавляя атмосферу горячим воздухом. Туман быстро рассеялся, и Ломов разглядел в конце коридора бугрящуюся, отекавшую массу цвета навоза. От нее расходился едкий запах.

– Затычка! – прокомментировал Сулима, выглядывая из

дверей.

Ломов кивнул.

– Смотрите! – воскликнул Чернов.

Антон обернулся к обзорнику. В рамку экрана вплывал большой корабль – овал полукилометровой длины. «Легкий атмосферный подкрейсер».

– Вот, кто по нам долбанул! – возбужденно сказал капитан.

– Не нравится мне это, – процедил Ломов. – Мне кажется, пираты не просто так долбали – они выбили боевые посты с этого борта, а сейчас стыкуются...

–...И на абордаж!

– Похоже на то.

Легкий подкрейсер, между тем, вытянул причальные су-ставчатые штанги, дотянулся до рейдера, и словно ухватился за него хилыми ручонками. Тут на борту пиратского корабля развернулась диафрагма, стала выдвигаться трубчатая галерея-переходник. Лишь один-единственный истребитель показался вдали, но выстрелить ему не дали, сбили. А стыковочная труба словно присосалась к борту «На-лиу».

Ломов видел целую ораву пиратов, висевших в трубе и увешанных разнообразными орудиями убийства. Захват?

– Видели, куда они приткнулись? – нервно спросил сержант. – Там как раз шестой отсек!

Словно подтверждая его слова, по кораблю разнесся тяжкий грохот. Надо полагать, пираты вышибли наружную ме-

таллопластовую штору-створку, которая раздвигалась, выпуская или впуская истребители.

– И что будем делать? – спросил Чернов, почему-то шепотом.

– Не рыпаться! – прошептал в ответ Сулима, и улегся на койку, заложив руку за голову.

Максим вздохнул.

– Не вздыхай, – сказал Ломов. – Нам с пиратами биться резону нет. Лично я не знаю, что хуже – находиться в плену здесь или попасть в полон к пиратам.

– Хрен редьки не слаще, – философически заметил капитан.

В коридорах поднялась беготня, слышались крики и редкие выстрелы, только не грохочущие, как у огнестрельного оружия, а шипящие или воющие.

Постепенно все улеглось, стало так тихо, что Ломову пришлось в голову: а вдруг пираты всех перебили – и свалили? И будет теперь «На-лиу» дрейфовать по Галактике, изображая межзвездного «Летучего голландца»...

Но нет – послышались увесистые шаги, и дверь в каюту разом ушла в переборку. Поставив ногу на комингс, в каюту заглянул тип в боекостюме, с лучевиком наперевес. Медленно оглядев присутствующих, он молча повел пирамидальным дулом: на выход!

– Пошли, – буркнул Ломов, вставая.

Тип в БК отступил в сторону, а когда земляне вышли, по-

вел их куда-то вниз, то есть, в сторону кормы. Антон со товарищи был не одинок – в коридорах хватало таких же живописных групп. Один или два пирата конвоировали человек по пять, сгоняя всех в одно место – отсек номер три, самый большой из тех, в которых Ломов вообще бывал.

Народу там хватало – больше сотни тавассиан, риитян, лхалл сидело и стояло, головы повесив или, наоборот, с вызовом задирая носы.

Приметив Раша, Антон протолкался к нему.

– Привет. Тут все, что ли?

– Все, – мрачно кивнул тавассианин. – Всех ангиан они собрали в четвертом отсеке, без скафандров, после чего подняли штору. Имперцев выдуло наружу, а через минуту они все погибли.

– А нас, выходит, пожалели?

– Дождешься от них! – фыркнул Раш. – Продадут куда-нибудь на окраинные миры, и будем мы всю жизнь в навозе ковыряться...

– Продадут? В рабство, что ли? – недоверчиво переспросил Сулима. – Блин, ну и империя у вас! Рабы! У вас что, роботов нехватка?

– Скажешь тоже, роботов! – рассердился тавассианин. – Где у бедных колонистов такие деньги найдутся, чтобы роботов покупать? Что их, на сено менять? Или на сыр? Рабы дешевле... Им не нужны программисты и наладчики, запчасти всякие и подзарядка. У нас, помню, два раба было –

флотские распродавали пленных лоанцев в последнюю войну. И что им? Дашь пинка спозаранку, сунешь пару лепешек – и пашут. А вечером мать им горшок похлебки выставяла, один на двоих. И все! Да я первый раз робота увидел, когда мне пятнадцать стукнуло... О, идут.

В отсек явилось человек пять пиратов с лучевиками на груди. Один из них, судя по всему, главарь, откинул головной сегмент, выказывая потную красную харю, заросшую щетиной. Оглядев пленников свирепыми синими глазками, вожак пиратов сказал:

– Значит, так. Я – Хмет Сохо. Вы тут всю эскадру мою раздербанили, так что я «На-лиу» реквизирую, хе-хе...

Спутники Хмета ослабились.

– Сейчас двадцать... нет, тридцать человек из вас поработают грузчиками, – продолжил вожак. – Стащите все ценное в соседний отсек. Так... Хенх, ты поведешь подкрейсер.

Названный вытянулся во фрунт.

– Ага! – радостно сказал он.

– Половина добычи твоя, как и договаривались. Гребите все, что найдете, но чтоб по-честному!

– Ага!

Сохо снова оборотился к пленникам:

– Только без баловства мне тут! Иначе прогуляетесь следом за хозяевами. Всем все ясно?

– Всем... – вразнобой откликнулись пленные.

– Я в рубку, – сказал Хмет, разворачиваясь всем корпу-

сом, – а ты здесь командуй.

Хенх живо распределил экипаж рейдера на пятерки, и разослал по кораблю. Каждую группу «таскальщиков» сопровождал пират с лучеметом.

Ломов сам подставился под руку Хенха, еще и Раша с Кошем привлек. Командир пиратского подкрейсера просто махнул готовой пятерке – «На третью палубу!» – и приставил конвоира.

Поднявшись по пандусу, Ломов оказался на третьей палубе. Здесь он впервые увидел трупы ангиан – у одного грудь была разворочена лучевиком, под обугленными ребрами виднелись спекшиеся внутренности, а другой получил полновесный заряд из бластера – во лбу у него чернел прожженный канал.

Пользуясь тем, что друзья перекрывали обзор для конвоира, Антон быстренько обезоружил убитых, сунув за пазуху их табельные бласты.

– Мертвяков потом, – сказал пират.

– Понял, – дисциплинированно ответил Ломов.

Конвоир махнул стволом лучемета.

– Вперед!

Впереди были каюты старших офицеров. Пират только указывал, что брать – оружие, компьютеры-планшеты, аптечки и диагностисты, легкие бронекастюмы, биоприставки, – а земляне сгребали добро на расстеленные одеяла, да вязали тюки.

В первую ходку конвоир проводил нагруженных пленников до пятого отсека, а во вторую уже поленился – уселся отдохнуть, и послал «таскальщиков» одних, приказав сразу возвращаться.

Ломов не стал нарушать приказ, только выгрузил подобранное оружие, спрятав его в боксе, где торчал сломанный кибер. И свое выгрузил, что незаметно экспроприировал, и щедро уполовинил пиратские трофеи.

– Пригодится в хозяйстве, – сказал он Рашу.

– Думаешь? – засомневался тот.

– Уверен! – отрезал тот. – Побеждает не тот, кто прогибается под своих или чужих, а тот, кто сам прогибается противника, заставляя играть по собственным правилам. А то, я смотрю, вы уж больно послушны! Служили ангианам, и не пикали, теперь вас пираты оприходовали, и вы уже их команды исполняете.

– Вы тоже, – заметил Кош.

– Это пираты так думают. Пошли, не будем огорчать нашего конвоира!

Пират, завидев их, с кряхтением поднялся.

– А не скажете ли, гичи, – начал Антон, – куда мы теперь направляемся?

Льстивое обращение подействовало – пират сразу надул щеки.

– Куда, куда... – проворчал он добродушно. – Известно, куда – в Содружество Лоа. Заглянем на ихнюю Перифе-

рию. Есть там одна колония, вроде как Гимла. Рабсилы там нехватка... Так. Ну, чего стоим? Вперед!

Дележ добычи продолжался до позднего вечера. Потом пленных загнали в шестой и седьмой отсеки, а ровно в полночь по бортовому времени «На-лиу», оставив по себе вспышку инверсного излучения, вышел в гиперпространство.

Глава 9. ПЕРЕХВАТ

Борт «На-лиу». 6 сентября 2016 года

Покемарив часа два, Антон поднялся, и потряс за плечо Сулиму.

– Я не сплю, – ответил тот.

Вдвоем они разбудили Максима.

– Уже подъем? – пробормотал он спросонья.

– Так точно.

Капитан подполз на четвереньках к Рашу, толкнул тавасианина в бок.

– Эй! Харэ дрыхнуть.

– Что? – встрепенулся Раш. – Прибываем?

– Нет еще. Долго мы будем в гипере?

– Н-нет, около суток. Гимла недалеко от Анга, всего два световых года.

– Ага... – протянул Антон. – Должны успеть.

– Успеть что?

– Захватить рейдер, что же еще. Или ты горишь желанием стать ходким товаром на рынке невольников?

– Н-нет...

– Тогда поднимайся. Буди Коша, Даша, Хее и Паа.

– А Кепеша?

– Пока он нам не нужен.

Весь расчет Ломов строил на том, что по БВ² была ночь. Пираты после боя притомились, и хотят баиньки. Тем более что в гиперпространстве кораблю ничего не угрожало.

Антон надеялся, что у пиратов дисциплина хромает, поэтому вахтенные будут спать, как и все. Иначе придется ввязаться в серьезный бой, а это чревато потерями. Да и помирать Ломову не хотелось, пусть даже на галактических просторах.

– Даш! Инструмент с собой?

Даш продемонстрировал фузионник, которым он с товарищами вырезал «заплаты» прямо из переборок. Их потом лепили на пробоины.

– Где тут коридор?

Даш указал.

– Режь!

Фузионник негромко зашипел, вытягивая оранжевый язычок плазмы. Вырезав в переборке квадрат метр на метр,

² Бортовое время.

Даш кивнул Паа, и тот содрал лист внутренней обшивки, вместе с обогревательными элементами. Еще пару раз опи- сав квадрат, тавассианин отложил фузионник, и помог Ан- тону затащить вовнутрь многослойную плиту.

– Готово! Даш, ты остаешься здесь. Переговори с Кепе- шем, пусть он будет в курсе.

Ломов выглянул в коридор, залитый тусклым «ночным» светом, и вылез наружу.

– На свободу с чистой совестью, – прошептал Чернов.

– Цыц!

До вожделенного бокса Антон добрался без помех. Воору- жившись, он сразу почувствовал себя куда уверенней.

– Выдвигаемся.

Выйдя ко входу в шестой отсек, где недавно был заперт, Ломов увидел часового в броне. Часовой бессовестно спал на посту – привалившись к переборке, сняв головной сег- мент и используя его в качестве подушки, дежурный сопел в две дырки.

Тихонько приблизившись, Антон хотел сперва воспользо- ваться бластером, но передумал – к чему расходовать заряд? Часовой похрапывал, запрокинув голову и выставляя острый кадык.

По нему Ломов и ударил, ломая горло вместе с позвонка- ми.

– Переборщил маленько...

Кое-как разобравшись с боекостюмом, Антон стал разоб-

лачать часового.

– Макс! Тебе партийное задание. С бластером обращаться умеешь? Вот регулятор мощности, вот предохранитель.

– А это чего?

– Индикатор заряда. Твоя задача: снять часового на посту у отсека с добычей. Натягиваешь эту броню, чтобы он тебя за своего принял, и действуешь.

– Есть!

– Давай...

Отворив дверь в отсек, Ломов оглядел десятки лиц, безмолвно белевших в полумраке.

– Что вылупились? – улыбнулся он. – За свободу бороться надо. Мах Черон поможет добыть оружие. Кепеш! Как вооружитесь, начинайте зачищать корабль...

Седой вскинул голову.

– «Низший» приказывает далаю? – сказал он.

Антон приблизился к нему, и внимательно осмотрел.

– Ты не далай, Кепеш, – медленно проговорил он. – Ты не такой же, как и все мы – раб! Хочешь вернуть волю и ранг далая? Слушай, что тебе говорят, и выполняй в точности! Этой ночью мы станем или свободными, или мертвыми. Дошло?

– Дошло, – выдавил Кепеш.

– Сообразительный мальчик. Приказ получен? Исполнять!

Чернов уже облачился в трофейную броню.

– Я думал, как же они ее таскают на себе, – возбужденно говорил он, – весу в ней – пуда два точно! А тут экзоскелет с этими... псевдомышцами.

– Действуй, Макс, и этим не спускай. А мы в рубку.

Ломов с Сулимой пошагали впереди, Раш шел за ними, а прикрывали их риитяне – худенький Хее Оа с грузным Паа Май.

– Не доверяю я этому Кепешу, – проворчал капитан.

– Я тоже, – кивнул Антон. – Но больше просто некому вести корабль. Такие дела, капитан.

– Ладно, поглядим, какие нам выпали карты...

Рубка находилась в самой середине корабля, на продольной оси. Ее окружал кольцевой коридор. Часовой у входа в рубку мужественно боролся со сном, проигрывая Морфею с разгромным счетом.

– Позволь мне, командир! – прошептал сзади Паа.

– Давай, – кивнул Ломов.

Май мягко зашагал по кольцевому коридору, держа бластер пирамидальным дулом кверху. Часовой в очередной раз боднул головой воздух, разевая рот и всхрапывая. Паа вытянул руку с бластом, и включил оружие – ярко-фиолетовый заряд с шипением пронзил голову дозорному, и Сулима с Антоном бросились к нему, подхватывая мертвое тело.

– Входим тихо, – сказал Ломов, – действуем вежливо.

Двери в рубку раздвинулись бесшумно, и Антон переступил комингс, сжимая по бласту в обеих руках. Сонное цар-

ство.

Пираты спали везде – в креслах-ложементах у пультов, на диванчиках вдоль стен, а то и вовсе на полу.

Хмет Сохо почивал у главного пульта, сложив руки на панели и опустив на них голову. Прямо перед ним мерцал куб стереопроекции, в котором висела туманность Ориона, и каллилась красным «нарисованная» точка выхода.

Ломов медленно, тихо сунул бластеры в кобуры, и сделал знак товарищам: не стрелять! Не дай бог, еще приборы повредят. Да и зачем убивать пиратиков? Пригодятся в хозяйстве...

Первым Антон вырубил вожака – получив ребром ладони по затылку, тот мигом обмяк. Неподалеку «работал» Иван: оглушив противника, сутулого бородача, он его тут же вязал.

Позаимствовав у Сохо нож с богатой инкрустацией, Ломов скользнул между ложементов к пирату, занимавшему место инженера-пилота. Тот спал, перевесив ноги через мягкий подлокотник, и уютно посапывал.

Намаялся, бедолага, весь день грабил да убивал.

С его комбинезона свисали какие-то шнурки, вроде аксельбантов, и Антон их срезал. Пират недовольно заворочался, заработал удар за ухо, и отрубился. Шнурками лейтенант стянул ему волосатые руки.

Прошло совсем немного времени, а вся пиратская верхушка уже была связана, и аккуратно уложена на пол.

Ломов вздохнул: кажись, удалось. Рубка, или, как его на-

зывали ангиане, центральный пост управления, охватывал кругом толстенную «трубу» гравитатора. Лейтенант похлопал ладонью по выпуклой стене. В трубе гудело. Тяга была хорошая...

Неожиданно комингс рубки переступил пират с обрюзгшим лицом пропойцы. Спотыкаясь, он сделал несколько шагов к свободному креслу, и далеко не сразу уловил странности.

– Чё такое? – промычал он, вылупив глаза на Антона. – Вы чё?

– Мы? – улыбнулся Антон. – Мы ничё.

Выхватив бластер, он направил его на «алкаша», и поинтересовался:

– Жить хочешь?

Пират замедленно кивнул – суть произошедшего с трудом доходила до него.

– Тогда руки за спину.

Сулима деловито затянул узел, и похлопал «звездного корсара» по спине:

– Можешь досыпать.

Пират как стоял, так и рухнул в кресло, а Сулима с Ломовым звонко шлепнули ладонью в ладонь: все путем!

– Раш, дуй наверх, узнай, как там.

– Дую!

Вскоре прибежал Даш Ширра, переполненный впечатлениями. Увидав связанного Хмета Сохо, он и вовсе чуть не

задохнулся.

– Ну, что там? – вернул его к реалу Ломов.

– Нос и корма зачищены! – выдохнул Даш. – Кепеш хотел было расстрелять пиратов, но Мах не дал.

– Молодец! Много их?

– Человек пятьдесят, точно. Мы их всех в седьмой отсек загнали! Они ж голые, безоружные, жалкие какие-то... Куда больше наших на рабов похожи!

– Верно мыслишь, Даш. Пошли.

Взбежав по пандусу, они вышли к радиальному коридору, и двинулись по нему к периферии третьей палубы, где располагались отсеки с истребителями, штурмовиками и прочими перехватчиками.

Шум «бунтовщики» поднимали изрядный, а когда появился Ломов, все просто взревели, потрясая лучевиками и прочими орудиями убийства. Кепеш выглядел кисло, но тоже улыбался – через силу.

Антон поднял руку, и сказал:

– Хмета Сохо я связал, остальные тоже упакованы. Я слышал, тут многие жаждали пиратской крови?

– А чего их жалеть? – крикнули из толпы. – Нас они не жалели!

– Согласен, – улыбнулся Ломов. – А мы куда летим хоть, в курсе?

– На Гимлу...

– Верно! – восхитился Антон. – Так стоит ли разочаро-

вывать тамошних колонистов? Им нужна рабсила? Замечательно! Продадим лоанитам наших пиратиков!

Секунду или две звенела тишина, а потом она взорвалась свистом, гоготом и криками буйного восторга.

– Продадим!

– Пускай пашут, гады!

– Хо-хо-хо!

– Га-га-га!

– Ёш-каш-пхе!

С трудом уняв энтузиазм масс, Ломов предложил выставить часовых, и выспаться, как следует. Массы горячо одобрили и поддержали инициативу командира.

Глава 10. УХМЫЛКА СУДЬБЫ

Орбита планеты Гимла. 6 сентября 2016 года

Звезда Таоэ была размерами с земное Солнце, только цвет имела не желтый, а оранжевый, отдавая в красноту. Яркости, впрочем, это не убавляло – свет и тепло изливались в достатке.

Гимла была чистым, свежим миром, почти не запятнанной цивилизацией. Когда «На-лиу» вышел на орбиту планеты, то внизу, затуманенные голубой дымкой атмосферы, поплыли зеленые материки, вытянутые по долготе, как Южная Америка Земли.

Континентов было четыре, они зеленели лесами, взблескивали озерами, белели вечными снегами гор. Пухлая вата облаков висела над океанами и сушей, полюса были словно засахарены – это сверкали льды.

На всей Гимле проживало меньше двадцати миллионов человек. Несколько больших поселков было выстроено на полуострове, вдававшемся в Срединное море. Они стояли на самом берегу, а дальше, за горным хребтом, стелились степи. Туда стремились караваны переселенцев – они строили фермы, пахали и сеяли, разводили привозной скот и птицу.

На Лоа давно забыли профессии пахаря и пастуха, синтезаторы вдоволь снабжали голодающих и жаждущих, но редко кто отказывался попробовать натуральную пищу – плоды, вобравшие в себя соки земли, или мяско, нагулянное на траве, за которой ухаживали лишь дождь и ветер.

Единственный космодром располагался неподалеку от города Дассин – мегаполиса, опять-таки, единственного на планете.

Сначала был рудник Дассин – скалистое плато недалеко от моря, издырявили на полкилометра вглубь, пронизав штольнями, шахтами и прочими квершлагами. Здесь разрабатывали залежи редких земель – содержание в руде эрбия, иттрия, прометия просто зашкаливало.

Наверху выстроили перерабатывающие комбинаты, к ним пристроили жилые корпуса. И еще, и еще...

Население росло, потребовался синтез-комбинат, обще-

жития, пищеблоки, ангары, склады... Застроив все плато, строители полезли вверх, возводя над первым горизонтом второй, за ним третий, четвертый, пятый... За сто пятьдесят лет рудник успел иссякнуть, но город уже жил, и хиреть не собирался – как-никак главный индустриальный центр Гимлы, на который были завязаны все прочие поселки и фермы.

Это был мир фронта, нравы здесь царили весьма свободные, хотя и с солидным налетом патриархальности. О лицемерии и говорить не стоит. Например, слово «рабство» было совершенно не в ходу – невольников здесь звали трудовиками, как будто это что-то меняло.

Обо всем этом Антон узнал от Раша и Коша, уже бывавших на Гимле. Земляне и оба тавассианина собрались в каюте, наблюдая в обзорнике, как внизу, осиянная апельсиновым светом Таоэ, ворочается планета.

– Красота-то какая! – выразился Сулима по-русски. – Лепота!

Ломов усмехнулся, почувствовав легкий укол памяти – это с Земли...

Надо полагать, Иван ощутил нечто подобное, поскольку нахмурился.

– Все путем, Михалыч, – сказал Ломов. – Прорвемся!
Косясь на Коша, Сулима проговорил:

– Не знаю, когда, но на Землю я вернусь обязательно. Не хрен там делать всяким имперцам! Нахватаю всяких технологий, и вернусь.

– Нейрошунт надо тогда ставить, – подсказал Чернов, – чтобы много инфы нахватать. И нейрочип, чтобы всю ее упомянуть.

– Вставим, – проворчал Сулима, – все вставим, и нейрошунт, и нейрочип, и нейроразъем, и чего там еще у них есть. Куда мы денемся...

В дверях появился Кепеш. Он был очень напряжен, и еле выговорил:

– Мы подготовили три бота, чтобы разместить весь наш ходячий товар, хе-хе...

– Ну, и правильно... – рассеянно сказал Ломов.

– Вы все летите?

– Обязательно!

– Тогда занимайте третий бот. Кош и Раш, поведете...

...Три «летающих тарелки» пошли на снижение, и Антон впервые ощутил некое томление – ему тоже захотелось положить руки на пульт, как это делал Кош Ширра, и вести послушную машину над сверкавшей облачностью.

Раньше, на Земле, он таких позывов не ощущал, но там и орбитальных кораблей, вроде ботов, не сыщешь. «Союзы» – это скорее капсулы, которые забрасывают на орбиту, а рулят ими с Земли, из Центра управления полетом.

Здесь же совсем иное – Кош реально управлял космическим кораблем 4-го класса. Как тут не соблазниться?

Чернов и вовсе иззавидовался – его душа, и ранее тоско-

вавшая по высоте, ныне желала подняться выше небес.

Антон перевел взгляд на цилиндры, выглядывавшие из пульта. Сплошная голография – в зыбких призмах извивались синие и коричневые мнемографики, а в головном кубе синело небо, где отливало белым овальное пятнышко рейдера.

На борту «На-лиу» остался Кепеш с основной командой. Самые безбашенные, вроде Коша или Хее, летят вместе с землянами на Гимлу. Продать пиратов, пополнить запасы. И вернуться на рейдер.

Последнее вызывало у Ломова внутреннее сопротивление. Он не хотел возвращаться. Да и зачем?

Даже сами тавассиане с риитянами не знали, что их ждет на Анге. Как их встретит Имперская безопасность, коли все носолобые погибли? Никогда прежде такого ЧП, которое случилось с «На-лиу», не происходило. Тем более что Тхан Кох был из тех особ, что приближены к императору. Так стоит ли ждать от ИБ беспристрастности?

А как имперцы посмотрят на троих выходцев с далекой планеты Земля? Как на «биоматериал для исследований»? Или как на лазутчиков внешнего мира?

Между тем, внизу засверкало море, проплыли заросли кустарника, и открылась широкая равнина, раскатывавшаяся от полосы прибоя до подножий гор.

Промелькнули кубы и параллелепипеды мегаполиса, слепленные в комок, как размороженные пельмени, показав-

лись решетчатые чаши антенн, белые купола – космодром.

На поле было пусто – рейсовый корабль прибывал на Гимлу один раз в полгода. Глушь.

Боты сели, выпуская опоры – висеть на антигравках тоже было можно, но зачем зря расходовать энергию? Прижимистые тавассиане не одобряли бесхозяйственности носолобых.

Антон не успел отстегнуться, как в рубку заглянул Китеш. Засиял улыбкой злобной радости – и голубоватый свет стан-излучения затопил ЦПУ.

...В себя Антон пришел, когда стемнело. Отжавшись на слабых руках, он кое-как подгрел под себя непослушные ноги.

Стемнело... Ломов покривился. «Смеркалось», еще бы сказал! Придурок...

Он находился явно не на корабле – это подсказывало ему заднее место. На рейдере силу гравитации устанавливали обычно половинную от нормальной, от того самого «же», а здесь притягивало по полной. Ангар какой-то... Или склад.

Оглядевшись, Антон заметил рядом своих друзей – Иван с Максом лежали в позе жмуров, даже руки на груди сложили. Свечки бы еще держали...

Неподалеку вяло шевелились Кош и Раш, а еще дальше, привязанные к трубе, тянувшейся вдоль стены, сидели пираты. Хмет Сохо, посаженный с краю, ухмыльнулся:

– Что, решил продать нас, паскуда? Вот, теперь и сам узнаешь себе цену! Га-га-га!

– Да пошел ты...

Ломов с трудом взгромоздился на колени.

– Оклемался? – услышал он знакомый голос.

Оглянувшись, Антон увидел Хее Оа. Риитянин был хмур, но без признаков «послевкусия», оставляемого парализатором.

Угадав ход его мыслей, Хее сказал:

– Меня просто схватили и запихали к вам в бот, даже усыплять не стали. Да и что бы я смог?

– Кто нас? Кепеш?

– Он. Тех, кого он надеется образумить, далай просто запер, а самых опасных продал вместе с пиратами. Оптом.

– С-сука... Это я виноват. Знал же, что Кепеш гнилой, но даже не подстраховался.

– Да все мы лоханулись, – хрипло проговорил Сулима.

– Очухался, товарищ капитан?

– Бли-ин... Как же мне это все надоело...

– Привыкай, это надолго.

– Ага, шаз-з! Дождетесь... Макс, вставай, хватит валяться!

– Где мы? – простонал Чернов.

– Дассин, первый уровень, – сказал Хее. – Промзона.

Со стоном разогнувшись, Ломов утвердился на ногах. Пошатнулся, но устоял. На нем был все тот же синий лоанский

комбинезон, разве что без кобуры с бластом. Обезоружили. Обобрали...

Глава 11. ФРОНТИР

Содружество Лоа, планета Гимла. 6 сентября 2016 года

Внезапно включились светильники под высоким потолком, и залили обширное пустое помещение голубоватым светом, неприятно напомнившим импульс станнера. Заскрежетали, разъезжаясь, ворота, и внутрь повалили местные. Покупатели.

Весть о поступлении «ходячего товара» разошлась мгновенно, коммуникаторы имелись даже на самых отдаленных фермах, но вот быстро прибыть колонисты были не в состоянии. Когда они прилетели на Гимлу, то высадились, имея при себе лишь самое необходимое, тот минимум, который перевозился за счет государства, а уж тащить с собою флаеры или глайдеры... Это было излишеством.

В принципе, торговля людьми была под запретом, но Нарт Ассет, планетарный координатор Гимлы, на многие нарушения смотрел сквозь пальцы. А как развиваться колонии? Кто оплатит покупку и доставку роботов? А наладчиков где взять? Программистов? Кибертехников? И за что их самих содержать?

Вон, те же ополченцы. До войны Гимлу колонизировали

риитяне, потом лоаниты их «попросили», но боевики из числа первопоселенцев до сих пор не сдаются, шарятся по лесам, а местное ополчение их гоняет.

Они что, по зову сердца этим занимаются? Или из чувства долга? Нет же! Просто пленные бандосы батрачат на фермах, отработывая свое содержание...

Антон сжал зубы. Не действовали все эти идиотские рассуждения! Не успокаивали. Ломова бесила ситуация, в которую он угодил благодаря собственной беспечности.

Стать рабом! Миленькое дело!

...Ополченцы похихатывали, объявляя, что они первые в очереди. Бесцеремонно пихая землян прикладами дезинтеграторов, они оттеснили их к стене, поставив рядышком с пиратами, и объявили торги.

Бородатые, нестриженные фермеры комбинезонов не носили. Они щеголяли в широких штанах и длинных рубахах, сшитых из замши. Сопя и цыкая зубом, один такой первопроходец остановился перед землянами.

– Лоанцы, что ли? – пророкотал он, оглядывая синие комбезы троицы. – Да не-е...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.